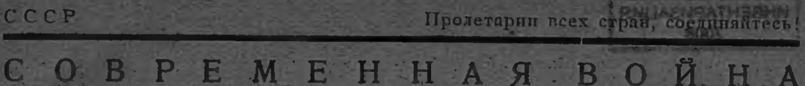
Н. М. ПОТАПОВ

ПЕЧАТЬ И ВОЙНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • 1926 • ЛЕНИНГРАД

СССР — Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА

Н. М. ПОТАПОВ

ПЕЧАТЬ и ВОЙНА

С ДВУМЯ СХЕМАМИ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
И. М. ПОДШИВАЛОВА

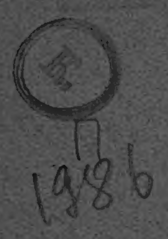
„In Deutschland wurde von sehr vielen Stellen Pressetaktik, aber von keiner Stelle Pressestrategie getrieben“.

„В Германии очень многие занимались тактикою печати, но стратегиею печати не занимался никто“.

W. Nicolai.

(„Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg“).

1926
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО № 1773.
ТИРАЖ 5.000.
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГУБЛИТ № 9205.
ЗАКАЗ № 4258.
Типография „КРАСН. ГАЗЕТЫ“ им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, д. № 57.

Предисловие.

Печать давно и везде признана всемогущей, организующей и двигающей силой — рычагом общественного и государственного строительства. Однако, в прошлом печать была скорее средством общекультурного развития, служа целям учебы, науки, технического прогресса... Двадцатый век выявил новое содержание печати, как трибуны классовой борьбы и мощного орудия организации масс.

В истории русского революционного движения печать уже с конца XIX-го века приобрела исключительную роль; по замечанию некоторых публицистов, печать была своего рода повивальной бабкой русского рабочего движения. В частности, в развитии большевизма печать сыграла значение организующего стержня, вокруг коего произошло формирование и развертывание парторганизации; не даром целые периоды в истории партии связаны с именем популярных центральных органов (Искра, Правда, Звезда). В печати большевизм нашел могучее средство сплочения активных сил, средство организации и воспитания, политического и боевого руководства массами. Общеизвестна роль, которую придавал Ленин массовой печати, в частности газете. „Газета, — говорит Ленин, — не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор“. Особенность Ленинского понимания заключается именно в уяснении и признании коллективной действенности, а также массово-организующего свойства, вытекающего из обобщающей и объединяющей природы самой печати, в признании печати, как средства самоорганизации и орудия классовой борьбы. Может быть, поэтому в русском революционном движении печать уже с конца XIX века сделалась колоссальнейшим

фактором классовой борьбы, сыгравшим решающую роль в разложении царизма и организации революционных сил.

В необъятно раскинутой стране, стране темных и диких углов, до которых хоть три года скачи, не доскачешь, печать была единственным всепроникающим проводом, разносящим бунтарские идеи и революционную заразу. Возбуждая и зарождая революционные настроения, оформляя революционное сознание масс, она собирала и закаляла кадр революционеров, создавала и вырабатывала программу и тактику действий. Печать, как никто, работала на подготовку революции.

В эпоху революции печать развернулась до небывалых размеров. Она стала барабаном, настраивающим движение масс, сделалась аппаратом непосредственного руководства массами, приводящим в движение тысячи и миллионы рабочих и крестьян. В это время работа и служба печати были беспримерны. Разложение царской армии, установление власти Советов, формирование Советского государства, создание Красной армии, оборона пролетарской республики, укрепление хозяйства — таковы отдельные кампании ее. Фронт печати был широк и необъятен. Он перекрывал бесконечное количество разнообразных тогдашних „фронтов“ республики. Именно в гражданской войне проявилась исключительная мощь и действительность печати, как средства борьбы. В гражданской войне печать оказалась тем средством, которое было использовано во-всю, которое применялось с величайшим умением, организованным темпом и размахом. Печать проводила мобилизацию революционных сил, печать организовала, направляла и настраивала работу тыла, печать двигала в штурм и бой, печать крепила волю и сознание в минуты неудач и отступлений. При этом печать работала на два фронта: миллионы брошюр, плакатов, листовок и газет, чеканя сознание и волю, объединяя и укрепляя для решительной борьбы — одних, приводили в уныние, разлагали и ослабляли — других. „Советская крепость“ на линию огневого кольца и за него выбрасывала десятки тысяч пудов печатной заразы, питая решимость красных бойцов и поражая в сердце врагов революции. В гражданской войне печать оказалась подлинным оружием Красной армии, оружием сильнее развившим, чем прочие физические средства, не имевшим преград, вездесущим и всесильным, одинаково действующим на фронте

и в тылу. В гражданской войне выявилось боевое действие печати, ее свойство „бить сильнее танков и пулеметов“...

Небольшой полустанок, занесенный глубокими снегами... Невдалеке, верстах в трех, „на передовых линиях“ трескочат пулеметы. В тупике десять вагонов — это типография и редакция политотдела Н — ской дивизии. Типография ежедневно выбрасывает для своих и для врагов десятки пудов газет и листовок, чеканя лозунги и задачи, возбуждая и волнуя крестьянское сердце, закаляя и укрепляя рабочую волю... Эта печать работает на фронте и для фронта.

...Захолустный уездный городишко. Типография и редакция местного уисполкома—плакаты, газеты, воззвания— бесконечный ряд кампаний и мобилизаций... Стены и заборы всюду краснеют, чернеют и синеют бесчисленным множеством букв и плакатных красок... Все для фронта, все на борьбу с контр-революцией... Это печать крепит тыл.

На боевых линиях и в тылах печать в эпоху гражданской войны развила до высочайшей степени свою мощность и напряжение, доказав,—что она может сделать на службе революции.

Если французская буржуазия, глушившая в 1917 году миллионами печатных листов взбудораженное сознание разлагавшихся солдат призывом „к войне до победного конца“, если английские и американские капиталисты, миллионами газетных выкриков настраивавшие волонтерские батальоны для боя „за благо цивилизации и справедливости“,—дали разительный многоговорящий пример планового и активного использования печати в войне за интересы капитала, то в русской гражданской войне рабочие и крестьяне показали, как надо и как можно использовать печать в наш век для целей революции. Гражданская война показала, каких совершенных результатов может достигнуть в применении печати пролетарская власть, владея средствами производства, осуществляя плановые начала, руководствуясь правилом сосредоточивать решающие удары в решающую минуту в решающем месте. Однако и буржуазия, отрицая материализм в теории, без колебаний признает его на практике, усвоив производственное понимание печати, как фактора необычайно разрушитель-

ного и организующего действия и поддающегося качественному и количественному учету и регулированию. Тонны печатных изданий, разумно направленные и использованные, оказывается, дают результаты равнозначные или даже большие, чем тонны соответственного металла, газа или взрывчатых веществ... В этом сложном и грандиозном процессе современной войны, приводящем в движение миллионы человеческих масс, сталкивающем многообразные материальные и технические силы и средства, выявляющем необычайное напряжение человеческой физической и духовной энергии— в этом „состязании производств“ воюющих сторон печать оказывается приводом, связующим и оформляющим эту „борьбу материалов“, перекрывающим газ, медь, жидкость и прочие физические средства современной войны.

Мировая война наглядно утвердила военную многозначимость печати, как элемента и нового средства современной борьбы. Но и мировая и гражданская война только в целом дают полное истинное познание роли печати в современной войне—только на совокупном учете особенностей использования и применения печати в обеих войнах можно составить приблизительное понятие о будущих возможностях и неожиданных сюрпризах в этом отношении. Несомненно, будущая война откроет новый этап в использовании печати, как нового направления, нового плацдарма борьбы. Неизбежный переплет классовых и империалистических моментов в грядущей войне подкрепляет, делает естественным подобный грандиозный размах и характер использования печати в будущем. Современная война, расширив свое содержание до небывалых размеров в материальном (физическом) отношении, несомненно будет интенсивно развертываться и расти по линии духовного измерения, а соответственно этому будут вовлечены и определятся новые, более действительные средства, методы и формы борьбы. Печать имеет все данные быть этим новым решительным средством в будущей борьбе.

Поэтому изучение опыта применения печати в революции и войне является вполне своевременным и имеет естественную актуальность для дела обеспечения обороны нашего государства.

И. М. Подшивалов.

10/II—1926 года.

1. Роль печати в современной войне.

Общее значение печати.

Великая европейская война показала, какую огромную роль в современной вооруженной борьбе играет печать, как средство воздействия на психику масс. Отвечая естественному стремлению каждого культурного человека знать обо всем, что происходит в мире, печать получает возможность, путем информаций, анализа событий и соответствующего освещения отдельных фактов, проводить определенные взгляды, возбуждать настроения, вызывать пожелания и настраивать к действиям. Создавая таким образом в своем населении и среди своей армии то отношение к войне, которое необходимо для достижения победы, печать одновременно может содействовать формированию благоприятного общественного мнения в союзных и нейтральных странах и вносить разложение в ряды противника.

Уже отсюда можно видеть, какую могучую силу представляет собою печать и как важно уметь использовать ее в целях победы. Если же мысленно представить себе всю картину последовательного расширения охватываемой войною сферы, а именно — как с поверхности земли — из области двух измерений — война постепенно перекидывалась в „3-е измерение“ — в подземное, подводное и воздушное пространства — и как, наконец, в мировую войну явно обнаружилась тенденция к перемещению центра тяжести борьбы в область сознательности масс и отдельных бойцов, — в область, так сказать,

„4-го измерения“, — то можно с большою долею уверенности предсказать, что именно этой области принадлежит будущее, — что печать, как средство воздействия на психику масс, будет играть в грядущих вооруженных конфликтах решающую роль и что „война на бумажном фронте“ утратит в представлении бойцов тот иронический смысл, который вкладывается ими сейчас в этот термин.

Конечно, результаты, ожидаемые от использования печати, могут быть достигнуты только в том случае, если проводимые в печати кампании будут носить своевременный, цельный, стройный, систематичный и точно согласованный в своих отдельных частях характер, без малейших перебоев или каких-либо диссонансов. Это указывает, что для целесообразного использования печати вообще, а особенно — во время войны, нужны заблаговременная организация ее и непрерывное, вполне компетентное руководство ею.

Военное значение печати.

Значение печати, как мощного фактора современной вооруженной борьбы, и приемы ее „стратегического“ и „тактического“ использования еще не получили достаточного освещения в нашей военной литературе. Нельзя сказать, чтобы и в трудах заграничных авторов этот вопрос был представлен с исчерпывающею полнотою. Напротив, то, что в этом отношении имеется, рисует деятельность печати лишь за время мировой войны, отнюдь не выявляя, по понятным для всякого причинам, как именно предполагается в том или ином государстве организовать и использовать печать в случае вооруженного столкновения. Но что этому вопросу уделяется самое серьезное внимание — сомнений нет, иначе не стоило бы в составе военных министерств или генеральных штабов крупнейших армий уже в мирное время содержать „управления“ и „службы“ печати...

В чем же, однако, заключается военное значение печати?

Печать является тем „инструментом“, посредством которого может быть произведено определенное воздействие на психику той или иной человеческой массы. Это воздействие может носить характер или укрепля-

ющий, усиливающий, или же ослабляющий, разлагающий.

В зависимости от характера воздействия и от военного значения той массы, на которую направляется работа печати, последняя может иметь для командования, а следовательно, и для государства, или положительное (полезное), или отрицательное (вредное) значение.

Твердо направляемая, в соответствии с общегосударственными и военными целями, печать во время войны является ярким выразителем духа государственной сплоченности и решимости довести войну до полной победы, не взирая ни на какие лишения и жертвы. Направляемая в этом смысле, печать возбуждает подъем настроения в своей стране и среди союзников, вызывая в то же время благоприятное отношение нейтральных государств и действуя разлагающим образом на противника. Это — образец положительной, полезной работы печати.

Наоборот, — печать, не объединяемая в своей работе общим руководством, органы которой образовали отдельные группы, преследующие иной раз диаметрально-противоположные цели, представляет собою в военное время крайне вредное явление: она разбивает на части руководимое ею население, раскалывает общественное мнение и выявляет этим внутреннюю слабость государства, возбуждая в противниках стремление усилить военный натиск. Таков образец отрицательной работы печати.

Из сказанного следует, что в военное время печать требует над собой диктатуры; она не может оставаться вне государственного руководства и контроля, так как является тем могущественным орудием, посредством которого правительство и верховное командование воюющего государства возбуждают в армии и в населении готовность к жертвам и волю к победе.

„Печать представляет собою силу, — и, как всякая сила во время войны, она должна находиться в руках правительства".

К такому категорическому выводу приходит германский подполковник В. Николаи, имевший в течение всей империалистической войны в своем непосредственном ведении „Управление печати верховного командования" [1]).

---

[1]) W. Nicolai. „Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg", Berlin, 1920. Стр. 167.

Итак, военное значение печати:

1) определяется возможностью для правительства и верховного командования влиять через нее на массы в полезном для ведения войны смысле и

2) обусловливается необходимостью руководства со стороны высших государственных органов.

Объекты воздействия печати.

Каковы же те объекты, на которые должна воздействовать печать в своей работе?

Современная война ведется не только вооруженною силою, но всею военною, политическою, экономическою и культурною мощью государства. В ней принимают участие не одни армии и флоты, но и все население, со всеми его средствами и рессурсами. Мало того, — ведению войны помогают или мешают „нейтральные" государства, поскольку это представляется для них выгодным в политическом или экономическом отношении. Наконец, современная война начинается не с ее объявлением и заканчивается не с заключением мира, а задолго раньше и значительно позднее этих официальных моментов. Общеизвестное определение Клаузевица, что „война есть продолжение политики другими средствами", нашло себе яркое и вполне современное дополнение в устах небезызвестных у нас политических деятелей Запада — Клемансо и Винстона Черчилля. Первый из них, перефразировав Клаузевица, определил „мир", как „продолжение войны другими средствами", а второй еще более цинично заявил: „Смешно думать, что война окончилась, потому что войска перестали сражаться". [1])

Таким образом, из приведенных заявлений послевоенных руководителей европейской политики и из всего сказанного перед тем вытекает, что не только во время самой войны, но еще задолго до ее начала и продолжительное время после ее окончания печать должна непрерывно воздействовать в полезном для своей страны смысле на психику соответствующих масс. В самый ранний период это воздействие должно поставить себе задачею,

[1]) См. Sunday Pictorial от 12-го января 1919 г., а также W. Nicolai. „Nachrichtendienst, Presse" u. s. w. стр. 155.

путем ясного и всестороннего освещения всей проводимой данным государством политики, создать не только в своей стране, но и среди трудящихся всего мира твердое и непоколебимое убеждение в целесообразности осуществляемых правительством этого государства мероприятий, единственная цель которых — содействовать благосостоянию трудящихся всемерным стремлением сохранить столь нужный для них мир. В последующий затем более близкий к войне период печать должна суметь ярко выявить всю несправедливость домоганий противной стороны и указать трудящимся на те опасности, которые могут возникнуть для них со стороны нарушителей мира. Далее, в предмобилизационный период от печати потребуются неопровержимые доказательства того, что ожидаемая война является для данного государства единственным и притом вынужденным выходом из создавшегося положения. Эти доказательства печать должна довести до сведения широких масс всего мира, особенно же — трудящихся враждебной стороны. Она должна еще ярче осветить непримиримость противника, вскрывая такие подробности его истинных намерений и действий, о которых она до того молчала. Короче, она должна мобилизовать в пользу своего государства общественное мнение всего мира гораздо раньше, чем наступит момент мобилизации вооруженных сил. Это — последняя и решительная попытка печати предотвратить войну.

С началом мобилизации воздействие печати на сознание широких слоев своего, союзного, нейтрального и враждебного населения не только не может быть ослаблено, но должно еще более усилиться. Но как в этот период, так и в течение всей войны, внимание печати должно быть особенно заострено на развивающихся военных событиях и на тех факторах, которые непосредственно влияют на ход военных операций. Правильно учитывая ценность факторов политического, экономического и культурно-просветительного характера и умело развивая деятельность в указанных областях, печать должна, однако, увязывать эту работу с соответствующим воздействием на психику вооруженных (своих, союзных и враждебных) сил и питающих их масс населения. В этой области, непосредственно касающейся сознательности отдельных бойцов и граждан, для печати открываются грандиознейшие перспективы и возможности, а потому она должна исполь-

зовать все средства, чтобы настроить массы в полезном для своего государства смысле как по отношению к отдельным операциям и мероприятиям, так и по отношению к усилиям, направленным к скорейшему восстановлению желанного мира.

Наконец, *когда военные действия завершены*, то лишь путем соответствующей работы печати можно умирить разыгравшиеся за время войны страсти и внедрить в сознание масс новые, возникшие в результате войны, основы мирного сожительства.

Таким образом, *объектами воздействия печати* являются:

Население и вооруженные силы

свое враждебное свои враждебные

союзное нейтральное союзные

Области работы печати.

Что касается тех областей, в которых должна протекать (или которых должна касаться) указанная выше работа печати, то поскольку исход современной войны решается не только военною, но также *политическою, экономическою и культурною* мощью государства, постольку и печать в интересах победы должна вести соответствующую работу во всех этих областях. Но при этом не следует упускать из виду, что широчайший размах современных войн захватывает положительно все стороны народной жизни и быта, почему и в печати должны найти соответствующее отражение все вопросы, которые так или иначе могут повлиять на развитие или разрешение военных событий.

В условиях современной войны и армия, и население более, чем когда-либо, нуждаются в широком и вполне компетентном освещении всякого, связанного с войною явления...

Цели, преследуемые печатью.

Само собой понятно, что, в зависимости от объектов, на которые должна воздействовать печать, и цели, преследуемые ею, будут различны. Так, напр., в отношении своей и союзной армий, а также своего и союзного населения, печать должна всемерно содействовать укреплению духа солидарности, спаянности, понимания взаимных интересов и уверенности в победе. В отношении же неприятельской армии и населения печать, естественно, будет поступать наоборот, культивируя и поддерживая все, что будет способствовать ослаблению их сплоченности, расслоению и удалению друг от друга („divide et impera" — „разделяй и властвуй"). Наконец, по отношению к нейтральным государствам, печать должна суметь выявить все, что сможет вызвать их благожелательность и участие, давая в то же время обильный материал для возбуждения их общественного мнения против враждебных государств и способствуя, таким образом, материальному и моральному изолированию последних.

Ясно, что и противник будет делать то же самое в отношении нас. Следовательно, на ряду с ведением „наступательных" операций, печать должна будет и отбивать нападения неприятельской печати, Для этого она должна быть своевременно и подробно осведомлена обо всех враждебных выступлениях иностранной печати, что, в свою очередь, выдвигает необходимость надлежащей постановки дела информации и установления прочных связей с заграничными (нейтральными) агентствами печати.

Другие средства воздействия на психику масс.

До сих пор мы имели в виду преимущественно периодическую прессу. Но не следует упускать из соображений, что и непериодическая печать также играет в военном отношении очень крупную роль, особенно — информационно-агитационная литература популярно-массового (пропагандистского) характера.

На ряду с печатью, не менее важное значение, в качестве средств воздействия на психику масс, имеют графические изображения, картины, фотографии

и кино-съемки. Из них легче всего воспринимаемыми и потому едва ли не наиболее мощными средствами являются каррикатура и фильма. Наконец, в наше время мы должны серьезно учитывать возможность сильнейшим образом воздействовать на массы живым словом, чему особенно способствует широкое развитие радио-любительства. Не подлежит сомнению, что использование в военных видах всех этих средств, преследующее ту же цель, что и использование печати, должно быть объединено и согласовано, т.-е. должно находиться в ведении и под руководством тех же органов, какие направляют и используют во время войны печать.

Это соображение необходимо иметь в виду при дальнейшем рассмотрении вопросов, связанных с организациею и военным использованием печати.

Кратко осветив в предыдущем изложении военную роль печати и считая излишним касаться практиковавшихся в прежнее время приемов и методов ведения „бумажной войны", которая, по свидетельству знатоков военной истории, „всегда сопровождала действия с оружием в руках" [1]), мы обратимся теперь к ознакомлению с тем, в какой же мере была использована печать для воздействия на массы в течение последней империалистической войны, какими приемами и способами выполнялись в этот период военные задачи печати и в чем заключались функции тех органов, которые были призваны ведать направлением и руководством деятельности печати. Это ознакомление даст нам возможность установить общий характер использования печати в современной войне и, на основании данных недавнего опыта, схематически наметить структуру того аппарата, который в состоянии направить работу печати в русло связанных с войною государственных интересов.

В основу дальнейшего изложения мы положим картину тех мероприятий, которые проводились в жизнь Германией, не сумевшей заблаговременно оценить военную роль печати и потому вынужденной уже в самом процессе военных действий „импровизировать" необходимые меры и таким образом восполнять крупный пробел своей подготовки к войне. На живом примере Германии с достаточною ясностью освещаются все основные

---

[1]) А. Свечин. „Стратегия". Москва, 1926 г. Стр. 71.

вопросы, касающиеся организации и военного использования печати. Тем не менее, попутно мы будем приводить короткие справки о том, как разрешались задачи военного использования печати и другими участниками империалистической войны, главным образом — царской Россией [1]).

[1]) Главными источниками, откуда можно почерпнуть данные по вопросам военного использования печати в Германии являются „Воспоминания“ Людендорфа и упомянутый уже нами выше сборник статей В. Николаи, под общим названием „Осведомительная служба, печать и настроение народа в мировой войне“(„Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg“). Первый из этих трудов, переведенный на русский язык и изданный в 1923 году, хорошо известен нашим военным читателям, а потому на его характеристике мы останавлнваться не будем. Что же касается труда В. Николаи, то его в русском переводе нет, и о нем нужно сказать несколько слов.

Этот труд является, в сущности, ответом автора на ряд нападок, произведенных на него в конце войны со стороны некоторых германских политических деятелей (главным образом, Эрцбергера), в связи с приписанным ему вмешательством в политические вопросы через бывшие в его подчинении органы и прежде всего—через „Управление печати верховного командования“. Статьи носят определенный характер самооправдания и написаны, повидимому, сгоряча, так как в них имеется много соображений, ценных для постороннего использования. Но все же приходится иметь в виду их обличительную тенденцию и брать из них лишь фактические данные, не всегда полагаясь на несколько пристрастную оценку их автором. Кроме того,—как и всякий сборник,--труд В. Николаи носит оттенок большой пестроты и частой повторяемости, что вынуждает иногда по крохам собирать и сводить в более или менее систематическое целое разбросанные в разных статьях сведения по одному и тому же вопросу.

Из числа иностранных трудов, ярко рисующих способы использования печати в мировой войне (со стороны Антанты), особенно следует рекомендовать книгу Кэмпбель Стюарта „Тайны дома Крю“, автор которой был помощником директора „Отдела пропаганды в неприятельских странах“, созданного в Англии во второй половине войны и находившегося в ведении пресловутого лорда Нортклифа. (См. также „Пропаганда лорда Нортклифа во время войны“ в „Вестнике Н.К.И.Д.“ за 1921 г.).

Что касается военного использования печати в царской России во время империалистической войны, то некоторое понятие о постановке этого дела дают соответствующие места записок Мих. Лемке „250 дней в царской ставке“ (Петербург, 1920 г.). Нужно, однако, заметить, что пребывание Лемке в ставке закончилось 2-го июля 1916 года, т.-е. более чем за год до выхода России из мировой войны, и что Лемке был не вполне осведомлен о подробностях той работы в области сношений с печатью, которая с самого начала войны проводилась в Петрограде Главным Управл. Генеральн. Штаба.

II. Печать в мировую войну.

„Мировая война была первою из войн в ту эпоху, когда печать представляла собою силу. И, как всякая сила во время войны, она должна была находиться в руках правительства“.

В. Николаи

(„Осведомит. служба, печать и настроение народа в мировой войне“).

Верховное командование и печать.

До 1914 года даже в такой передовой милитаристической державе, как Германия, роль печати, как мощного фактора ведения войны, представлялась далеко не ясною. За печатью признавалась ценность политического и отчасти экономического, но не военного средства борьбы. Естественно поэтому, что начало мировой войны застает германский генеральный штаб совершенно неподготовленным к выполнению тех задач, которые тотчас же встали перед ним во весь свой рост в отношении организации и руководства печатью. Все знакомство органов, ведавших подготовкою к войне, с вопросами печати вытекало из соприкосновения отдельных представителей генерального штаба с присутствовавшими на больших маневрах корреспондентами газет, а вся подготовка к войне в отношении печати была сведена к составлению списка военных корреспондентов, намеченных к командированию в действующие армии. Никакого органа, специально предназначенного для сношений с печатью (кроме единственного докладчика по делам этого рода), в составе германского военного министерства не имелось, — и хотя вопрос о создании такого органа („отдела печати“) и возбуждался еще за некоторое время до войны, но еще осенью 1913 г. он был решительно отклонен рейхстагом.

Вот как объясняет В. Николаи этот крупный, допущенный германским генеральным штабом, пробел в подготовке к войне [1]).

„Причина, по которой рейхстаг не дал своего согласия на учреждение при военном министерстве Управления печати, а генеральный штаб держался в мирное время вдалеке от печати и не произвел заблаговременной разработки мобилизационных соображений, заключалась в том, что в мирное время печать считалась только политическим орудием. Но и политические власти также ничего не подготовили для войны, а с наступлением ее ничего не предприняли, чтобы восполнить обнаружившийся пробел. Столь же мало думала и сама печать о том, чтобы провести у себя хоть какие-нибудь приготовления на случай возникновения военных действий.

„Однако, военное командование не могло лишить себя того инструмента, каким являлась хорошая организация печати. То, что при данных обстоятельствах генеральному штабу удалось создать, было сносно, — но та роль, какую ему пришлось играть в деле руководства печатью, выпала на него вопреки его первоначальным намерениям“.

Уже 2-го августа 1914 года начальник генерального штаба, генерал ф. Мольтке, открыто заявив, что „п е ч а т ь я в л я е т с я н е и з б е ж н ы м с р е д с т в о м в о й н ы“, дает указание о „необходимости тесной связи между верховным командованием и печатью“, а на следующий день, 3-го августа, состоялось первое собеседование представителей генерального штаба с представителями печати.

Такое отношение к печати со стороны германского верховного командования любопытно сопоставить с тем крайне отрицательным взглядом на печать, который установился в русском генеральном штабе со времени японской войны, на основании мнения ген. Куропаткина, и который нашел себе выражение в телеграмме ген. Янушкевича начальникам окружных штабов: „Корреспонденты в армию допущены не будут...“, посланной в тот самый день (20 июля—2 августа), когда ген. Мольтке признал печать „неизбежным средством войны“.

Лишь по прошествии 14 месяцев войны ставка пришла к заключению о необходимости „совместной деятельности“ с печатью и, образовав у себя „Бюро печати“, установила, „в виде опыта“, формы общения этого Бюро с представителями печати, предупредительно сделав в составленной по этому поводу записке характерное примечание, что „ни

---

[1]) Стр. 53 и 54.

одна сторона (штаб и печать) не делает этим одолжения другой“ [1]).

Военные задачи печати.

Какие же задачи ставило германское верховное командование своей печати и какой помощи оно от нее ожидало?

На этот вопрос мы находим в труде подполковника Николаи следующий характерный ответ [2]):

„Мнение о существе и задачах печати были неодинаковы. Единого представления о них я не нашел даже в самой печати. Лозунг „свобода общественного мнения“ находил себе почву только в немецкой объективности. Он причинил много вреда. В то время, как обширные области общественной жизни, под давлением военных обстоятельств, подверглись принудительному хозяйству, ходовой товар общественного мнения, под влиянием указанного лозунга, был предоставлен свободному распоряжению партий или отдельных газет. Свобода печати была отождествлена со свободою общественного мнения. Не было необходимой ясности в вопросе, должна ли печать отражать настроение народа, или же вызывать последнее. Первого мнения держались преимущественно те круги, которые стремились обеспечить за собою свободу разлагать дух решимости и затуманивать представление о тенденциях противника к разгрому Германии. Те же газеты, которые указывали на возможные следствия нашего поражения, держались взгляда, с которым было согласно и верховное командование, что печать является призванной и обязанной влиять на настроение народных масс, в смысле полного напряжения сил для ведения войны“.

Эта общая задача печати, с развитием военных событий, была уточнена и конкретизирована в том смысле, что:

„Печать должна настойчиво выявлять непоколебимую волю к борьбе и победе, пока не будет достигнута цель войны и пока противник не будет фактически готов вступить в переговоры; поэтому через посредство печати не смеет культивироваться иной дух, чем тот, которым должна быть проникнута армия“ [3]).

---

[1]) См. Мих. Лемке „250 дней в царской ставке“, стр. 74. Там же, на стр. 132 и 133 приведена выписка из книги М. Газенкампфа „Мой дневник 1877—1878 гг.“, которая рисует совершенно другую постановку этого дела в полевом штабе главнокомандующего во время русско-турецкой войны („потребность общества в постоянном получении свежих известий с театра войны нельзя не признать подлежащею удовлетворению“; „общественное мнение — такая сила, с которою нельзя не считаться“; „корреспонденты влиятельных органов — могущественные двигатели и даже создатели этого мнения“ и т. п.).

[2]) Стр. 167.

[3]) Стр. 184.

Однако, это последнее требование, как свидетельствует В. Николаи, не имело в виду наглухо закрыть рот общественному мнению и отнять у печати право подвергать критике обстановку тыла. Критика допускалась, но лишь бы не был нарушен при этом „внутренний мир“ (Burgfrieden), на необходимость поддержания которого впервые указал в своей речи ген. ф. Мольтке уже 13-го августа 1914 года и смысл которого был впоследствии разъяснен для печати Людендорфом в нижеследующих словах [1]):

„Внутренний мир находит свое выражение в стремлении поддерживать, при выполнении великих национальных задач, дух спаянности и самоотвержения, устранять все, могущее повредить единению народа, и ни в коем случае не давать повода к возникновению впечатления, будто бы коллективная воля народа к победе подвергается какому бы то ни было колебанию“.

„Поскольку не страдают военные интересы государства, можно высказывать любое убеждение, если только это делается в соответствующей форме. Всякое деловое выступление на защиту собственной точки зрения в политических и хозяйственных вопросах, хотя бы резко выраженное, столь же допустимо, как и спокойное указание на ошибки и заблуждения инакомыслящих“.

„Наоборот, — всякие оскорбления, вызываемые неделовою защитою собственного мнения, в особенности же бранные слова, унизительные сравнения и недостойные подозрения должны быть безусловно избегаемы. Обвинения в своекорыстных или низменных побуждениях при преследовании политических целей, разжигание старинных распрей и возбуждение розни между классами населения, сословиями, вероисповеданиями и внутри прессы ни в каком случае не должны допускаться“.

Если сравнить теперь приведенные выше указания и разъяснения германского верховного командования, относительно лежащих на печати задач, с теми „формами общения“, которые практиковались в отношении представителей печати русской ставкой и которые заключались, главным образом, в крайнем ограничении числа военных корреспондентов, в даче некоторых официальных информаций и в крайних цензурных урезках посылаемых с театра войны корреспонденций, то нельзя не констатировать совершенно

---

[1]) Стр. 184. — Мы приводим помещаемую ниже цитату без всяких пропусков. В преподанных Людендорфом указаниях для работы печати, одновременно с выделением и подчеркиванием факторов, способствующих сохранению „внутреннего мира“, отчетливо выступают также и те стороны государственной и общественной жизни, которые должны явиться объектами неприятельской пропаганды и которыми так искусно воспользовались Англия и Франция в борьбе с немцами. Об этом мы еще будем говорить ниже.

различного отношения двух верховных командований к задачам печати. В то время, как германские указания и разъяснения носят определенно активный характер и выявляют стремление военных верхов фактически направлять работу печати в соответствии с военными интересами, все поведение Бюро печати в русской ставке носит явно пассивный характер. Лишь единственный раз, в ноябре 1915 года, у начальника этого Бюро внезапно и в резкой форме вспыхнуло желание „управлять" находившимися при ставке представителями печати, „нисколько не считаясь ни с их профессиональными и материальными интересами, ни с интересами представляемых ими газет, а исключительно с точки зрения интересов воинского дела". Но это желание столь же быстро должно было потухнуть вследствие того, что другие сотрудники Бюро не сочувствовали такой постановке вопроса о военных обязанностях печати и, в противовес стремлению своего начальника, постарались внушить корреспондентам, что „их считают за курьеров или прислугу, и им всем надо немедленно уехать и предложить редакциям решить вопрос о дальнейшей работе в таком Бюро" [1]).

Впрочем, некоторая доля „активности", в смысле постановки печати задач, была проявлена ставкою при самом создании Бюро печати, когда в записке о „формах общения" с печатью предусматривалось обязательство газет помещать инспирированные ставкою статьи, „чтобы таким образом влиять на общественное мнение нейтральных держав". Но при этом Бюро печати обязывалось „не только указать им в каждом отдельном случае на степень недостоверности допущенного сведения, но и каждый раз представить мотивировку самой необходимости такой инспирации" [2]).

Мы увидим в дальнейшем, что к подобным приемам прибегало и германское верховное командование, но оно в таких случаях поступало иначе.

О том, как руководил печатью „Огенквар" (Отдел Генерал-Квартирмейстера Главного Управления Генерального Штаба), мы скажем ниже.

---

[1]) См. Мих Лемке „250 дней в царской ставке", стр 205.
[2]) Там же, стр. 74.

Руководство деятельностью печати.

Если от очерченных выше устами германского верховного командования общих задач и руководящих директив печати обратиться к тому, какими же приемами и средствами необходимые требования проводились в жизнь, то приходится прежде всего отметить, что до самого конца войны твердых организационных форм руководства печатью у германцев принято не было. Взяв по необходимости в свои руки с первых же дней войны руководство печатью, германский генеральный штаб первоначально имел в виду лишь узко-военные интересы, которые заключались в том, чтобы в печать не проскальзывали сведения, имеющие характер военной тайны, и чтобы население было в достаточной мере осведомлено через печать о ходе военных действий. Но так как и политические власти, подобно военным, не приняли в мирное время никаких мер к заблаговременному созданию у себя органов, ведавших вопросами печати, и не проявляли также с началом войны никаких стремлений к восполнению этого пробела, то уже через короткое время обнаружилось, что на-спех созданное при оставшейся в Берлине части генерального штаба „управление печати" должно было удовлетворять значительно более широким запросам, чем это первоначально намечалось. Наступившие для немцев после первых успехов неудачи, а также начатая Антантою пропаганда, возбудили в германской печати и в населении такую нервность, которая серьезно обеспокоила немецкое командование, потребовавшее тогда от политических властей соответствующего влияния на печать, а через нее и на население. Однако, правительство, не придав должного значения этому вопросу, ограничилось созданием при министерстве иностранных дел „Бюро печати", которое и занялось исключительно иностранною прессою. Генеральному же штабу „было предоставлено разделываться, как он сам знает, с отношением германского народа к войне".

„Последствия не замедлили сказаться. Представители прессы, политические деятели, отечественные объединения и отдельные патриоты стали обращаться за разъяснениями и советами, которых они не находили у политических властей, в военные учреждения, а эти последние — в Управление печати генерального штаба, куда, кроме того, и непосредственно направлялось все возраставшее количество запросов. Вследствие этого, роль, которую стало играть Управление печати, вскоре далеко вышла за пределы первоначально

намеченных рамок. И оно не могло от этой роли уклониться, если только не хотело предоставить события их собственному течению" [1]).

„Германское верховное командование видело тяжкую ошибку в том, что политическое руководство печатью находилось не при рейхсканцлере, ответственном за ведение всей вообще политики, а при министерстве иностранных дел. Для последнего отечественная пресса уже в мирное время являлась чуждой и осталась такою же во время войны. К тому же значительная часть германской печати, игравшая решающую роль в деле создания настроения внутри страны, или вовсе не имела влияния на внешнюю политику,—по крайней мере, в большей своей части, — или же почти не влияла, а потому и не имела непосредственного значения для министерства иностранных дел. Только этим и можно объяснить непостижимое иначе отсутствие заинтересованности в германской прессе со стороны политического руководства печатью" [2]).

Наряду с недооценкою роли и значения печати во время войны, германское правительство проявляло недостаточно внимания и к той работе, которая велась в отношении печати верховным командованием.

„Управление печати верховного командования считало чрезвычайно мешающим общему делу и недостатком доверия к себе то обстоятельство, что его никогда не осведомляли о деятельности политического руководства печатью. Все происходившее в политике должно было оказывать существенное влияние и на образ действий военного управления печати. Скрытность была тем более неуместна, что вся военная работа протекала открыто и что всякое требование или пожелание политического руководства или принималось к исполнению, или же встречало откровенное возражение. Совместная работа являлась тем более необходимой, чем большее значение приобретало военное управление печати, вследствие предоставленной ему организаторской и руководящей роли" [3]).

Такова была обстановка, в которой приходилось работать Управлению печати верховного командования. Понятно, что со стороны последнего не прекращались попытки какнибудь упорядочить дело руководства печатью. Особенную энергию проявил в этом отношении Людендорф, который в своих „Воспоминаниях" [4]) так описывает предпринятые им шаги:

„Под влиянием создавшегося впечатления, я обратился в декабре 1916 года к имперскому канцлеру с просьбой создать при имперской канцелярии и непосредственно под его наблюдением орган, который объединял бы прессу всего государства во всех областях. Мои тре-

---

[1]) В. Николаи, стр. 72.

[2]) Там же, стр. 168.

[3]) Там же, стр. 169.

[4]) Людендорф. „Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг." перевод под ред. А. Свечина, т. I, стр. 298 и 299.

бования сводились к следующему: руководство всеми компетентными в деле прессы гражданскими властями авторитетным лицом, непосредственно подчиненным имперскому концлеру; дружная совместная работа этого органа с Управлением печати военного времени и отделом прессы морского штаба; ограничение функции отдела прессы министерства иностранных дел одними вопросами внешней политики; взамен этого, углубление его работы во вражеских, нейтральных и союзных газетах и, наконец, защита экономических интересов прессы и содействие им со стороны центрального органа".

„Требования эти были отклонены имперским канцлером фон-Бетман-Гольвегом".

Лишь в августе 1917-го года имперский канцлер Михаэлис попытался взять в свои руки управление печатью и даже назначил для заведывания вопросами печати особое лицо. Но, по словам В. Николаи, это было лишь „мимолетным явлением". С уходом Михаэлиса все пошло постарому, и Управление печати верховного командования „должно было одиноко выступать на защиту военных интересов".

Скажем теперь несколько слов о том „руководстве" печатью, которое с самого начала войны выполнялось Огенкваром и которое безуспешно пыталось взять на себя также и Бюро печати ставки.

В этом отношении довольно полную картину дает нижеследующий разговор по прямому проводу, происходивший в январе 1916 года между представителем ставки, полковником Ассановичем, и представителем Огенквара, полковником Мочульским, непосредственно ведавшим в Главном Управлении Генерального Штаба информациею печати.

Приводим этот разговор в „необходимых и достаточных" выдержках [1]).

Ассанович. — Мне поручено принять осведомление печати, которое возникло в ставке на новых началах. Для меня пока еще задачи, которые хочет выполнить ставка по отношению печати, не вполне ясны, но считая, что ставка должна что-то делать, я принял для пробы данный вопрос, доложив, что его следует вести в непосредственном общении с Огенкваром, который выполняет с начала войны роль осведомления и воздействия на печать; участие ставки было ограниченное, но все сношения с печатью делались через Огенквар. Я думаю, что в данном деле необходимо, чтобы ставка и Огенквар работали вместе, взаимно дополняя друг друга. Итак, первый вопрос: желательно ли это, вызывается ли необходимостью, и затем, как достигнуть взаимной согласованной работы?

---

[1]) Полный текст разговора см. у Лемке, стр. 345—346.

Мочульский. —Информация печати, выполняемая Огенкваром, имеет целью возможно быстро распространить полученные из ставки сведения о ходе военных действий и боевые эпизоды как в России, так и за границей, а равно предупредить нежелательное толкование военных вопросов, связанных с упомянутыми данными, которое всегда может иметь место в печати, даже при наличии военной цензуры. С этой целью ведутся беседы, отнюдь не преследующие истолкования событий или цели обзоров хода военных действий; кроме того, по соглашению с министерством иностранных дел, в Огенкваре составляются и редактируются, с военной точки зрения, особые неофициальные брошюры для распространения в нейтральных государствах, с целью поднять интерес к России в общественном их мнении и сообщить благоприятные для нас военно-политические и экономические данные в противовес распускаемой нашими врагами лжи. Эта работа основана на данных, поступающих в Огенквар ранее, чем в ставку, и потому ей приличествует оставаться у нас. Затем, как известно вам, в прежнее время мысли, высказываемые ставкою, как желательные для широкого распространения, под видом неофициальных статей, также передавались в Огенквар, и последним воплощались в статьи разного содержания, инспирированные для повременных изданий. С этой целью, не скрою, мною были завязаны связи с редакциями, любезно принимавшими к исполнению все, что им предлагалось провести негласно, под видом редакционных статей, в сознание общества; так, например, была выполнена подготовка к оставлению Львова. Теперь, конечно, картина изменилась, но в печати, к сожалению, отсутствует руководящий взгляд самого общего характера на будущее. Мне кажется, что установление этого взгляда, или хотя бы слабые намеки на него, в той части, которую не сковывает военная тайна, должны принадлежать работе с печатью в ставке или из ставки через Огенквар. Мне кажется, что полного отмежевания ставки от такой силы, как печать, быть не должно, но оно не может быть непрерывным так, как создавшееся в Огенкваре общение с печатью, и, так сказать, автоматически наиболее удачным разрешением вопросов.

Приведенный разговор никаких изменений в постановку дела „руководства" печатью не внес, — все осталось по прежнему.

Организация руководства печатью.

Рассмотрим теперь, как было организовано Управление печати германского генерального штаба и какие функции оно выполняло.

Организационные формы Управления печати складывались постепенно. Входя с самого начала войны в состав той части „Отдела III. B" генерального штаба, которая осталась в Берлине, Управление печати занялось, прежде всего, налаживанием связи с представителями печати, пользуясь для этого передачей им исходивших

от верховного командования официальных сообщений о военных действиях и комментируя последние в собеседованиях, происходивших два раза в неделю. Одновременно выявилась необходимость информировать верховное командование о содержании и настроении повременной печати, — сначала только внутренней, а затем и иностранной. Далее, возникла потребность в создании цензуры; указания этого рода давались до тех пор вполне автономно главнокомандующими на Западном и Восточном фронтах, при которых имелись небольшие отделения, сносившиеся с Управлением печати в Берлине, а уже в феврале 1915 года явилась необходимость сформирования при Управлении печати центрального органа, ведавшего исключительно вопросами цензуры. Наконец, в 1917-м году на Управление печати была возложена еще организация так называемого „отечественного просвещения", т.-е. политико-просветительной работы.

Основная организация Управления печати была оформлена лишь в октябре 1915 года, в связи с изданным 4-го августа того же года приказом императора, в котором были отмечены „справедливые жалобы на отсутствие единообразия в деле наблюдения за печатью, — особенно же в тех областях, где военные интересы тесно соприкасаются с политическими". В результате этого Управление печати было изъято из ведения оставшейся в Берлине части генерального штаба и поступило в непосредственное подчинение верховному командованию.

Управлению печати были поставлены следующие задачи:

1) облегчать совместную работу верховного командования с внутренними властями в области печати;

2) доставлять необходимые сведения властям и печати, и

3) заботиться об единообразном применении цензуры.

В связи с этим, в Управлении были образованы три отдела: 1) внутренней печати, 2) иностранной печати и 3) цензуры [1]). При этом на начальника Управления печати было возложено поддержание теснейшей связи с имперскими властями, в целях установления единообразного отношения ко всем касающимся

[1]) Во всех трех отделах было 119 сотрудников, большая часть которых состояла из раненых и не вполне работоспособных офицеров. Только офицеры генерального штаба, работавшие в Управлении печати, были годны к службе в войсках. (В. Николаи. Стр. 111).

печати вопросам. Кроме того, при Управлении состояли постоянные представители министерств: военного, морского, иностранных дел, внутренних дел и колоний, на обязанности которых лежало содействие Управлению печати в проведении мероприятий как цензурного, так и общего характера.

Тотчас после своего организационного оформления, Управление печати, не теряя связей с отдельными представителями повременной прессы, вступило в тесный контакт со старыми имперскими организациями — „союзом германской прессы" и „ферейном издателей", в совещаниях с которыми и установило общую линию поведения. Была установлена также связь в работе с органами, руководившими печатью в союзных с Германиею государствах.

В отделах Управления печати выполнялись следующие функции.

Отдел внутренней печати ежедневно передавал по телеграфу краткую сводку содержания германской прессы; эта сводка, для лучшего осведомления подлежащих властей, одновременно дополнялась особо отпечатанными более подробными обзорами печати. Но так как, за краткостью времени, по одним газетам нельзя было составить точное представление о настроении в стране, то начальник Управления печати, стремясь соблюсти полную объективность, пополнял сводки и обзоры теми сведениями, которые он черпал из личного своего общения с представителями печати, а также с политическими, финансовыми и общественными деятелями. При таких условиях полная осведомленность верховного командования о настроении внутри страны считалась обеспеченною.

Отдел иностранной печати сообщал результаты своих наблюдений за заграничною прессою не только верховному командованию, но и другим властям, а также печати и отдельным общественным деятелям. При этом особенное внимание обращалось на то, чтобы довести до сознания населения те взгляды, которые проводились иностранною печатью, и выявить тот эффект, который производила германская пресса за границею. Однако, публиковавшиеся отделом „Известия иностранной печати", содержавшие ценный материал для борьбы с неприятельскою пропагандою, очень мало использовались немецкими газетами.

Отдел цензуры встречал в осуществлении своей деятельности очень много трений, — главным образом, из-за того, что, при всем стремлении его ограничиться чисто-военною цензурою, трудно было строго отделить вопросы политического характера от вопросов военных. С другой стороны, в отношении распоряжений по цензуре, исходивших от других ведомств, отдел являлся лишь передаточною инстанциею и за них не отвечал, а между тем в глазах затрагиваемых этими распоряжениями лиц вся ответственность падала на Управление печати, вследствие чего против последнего стало проявляться большое неудовольствие. Однако, предложение верховного командования совершенно отделить политическую цензуру от военной правительством принято не было.

Местными органами Управления печати являлись Отделы печати в округах, подведомственные главнокомандующим. Эти Отделы, в которых работа велась особо по руководству печатью и особо по цензуре, подчинялись через своих начальников непосредственно начальникам штабов, а общие руководящие указания получали от соответствующих отделов Управления печати.

В крупных городах, где выходили влиятельные газеты, цензура была сосредоточена исключительно в руках начальников гарнизонов; в остальных — она оставалась в ведении гражданских властей.

Общее руководство всеми местными отделениями печати, которых насчитывалось около 50, исходило от окружных отделов печати, которые, в свою очередь, получали директивные указания от Управления печати верховного командования.

В целях установления единства в проведении мероприятий по цензуре, Управление печати от времени до времени устраивало съезды лиц, возглавлявших местные отделения печати.

Хотя приведенная выше структура германского Управления печати и подвергалась в течение последующих трех лет войны многократным изменениям и дополнениям, причем до самого конца не получила твердых организационных форм,— почему и является скорее идейною схемою, чем организационным костяком, — тем не менее в ней можно усмотреть все признаки „аппарата“, в полной мере предназначенного „управлять“ печатью, т.-е. „руководить“ ее деятельностью и „контролировать“ ее работу.

Ничего подобного нельзя сказать по отношению к русским официальным органам, ведавшим сношениями с печатью. Если и можно еще найти признаки подобного „аппарата“ в организации цензуры, то в области собственно управления и руководства печатью необходимого объединения не было проведено не только в отношении периферии и центра, но и в отношении самих центральных органов. Мы уже видели, что даже в 1916 году, после полутора лет войны, представитель ставки лишь „сознавал“, что последняя должна „что-то“ сделать, но что именно — это ему не было ясно. Деятельность же Огенквара проявлялась фактически настолько в узких рамках, что могла полностью исчерпываться усилиями единственного лица, ведавшего „информациею печати“, а на самом деле лишь сообщавшего представителям петроградских газет последние бюллетени ставки, с небольшими к ним пояснениями, и завязывавший личные сношения с некоторыми газетами для возможности помещения в них инспирированных статей.

Что касается других отраслей работы, проводившихся в германском Управлении печати, то хотя некоторые из них и выполнялись в России, но без какой бы то ни было общей организационной увязки. Так, наблюдение за иностранною прессою велось, с одной стороны, соответствующими частями Огенквара, с другой — министерством иностранных дел, — осведомление же о содержании русской прессы производилось вообще без какого-либо участия военного ведомства.

Такою же „автономностью“ и неорганизованностью характеризовалась и деятельность по сношению с печатью в военных округах, отражая личные взгляды на печать местных командующих войсками.

Исключением из этого был, до некоторой степени, как уже упомянуто выше, аппарат цензуры, но о нем мы скажем несколько слов в своем месте.

Функции германского Управления печати и приемы их выполнения.

Остановимся теперь несколько подробнее на отдельных функциях германского Управления печати и на тех приемах их выполнения, которые были выработаны в Германии путем „горького опыта“.

1) Собеседования с представителями печати. Целью собеседований с представителями печати было: а) правильное ориентирование их во всех происходящих на фронте событиях и б) соответствующее комментирование официальных сообщений о ходе военных действий.

Такая постановка собеседований, помимо вытекавшего из нее сближения беседовавших сторон и лучшего взаимного понимания, давала возможность постепенно расширять военный кругозор сотрудников повременной печати и развивать в них полезное для общего дела отношение к событиям. С другой стороны, близкий контакт с представителями прессы позволял верховному командованию своевременно освещать возникавшие с ходом войны крупные вопросы и подготовлять необходимые мероприятия, большая часть которых близко затрагивала интересы широкой массы населения.

Собеседования происходили регулярно, 2 - 3 раза в неделю, в каком-либо „нейтральном“ месте (в здании рейхстага или палаты депутатов). В этих собеседованиях со стороны властей вначале принимали участие только представители генерального штаба, военного и морского министерств и органов, наблюдавших за печатью. Постепенно к ним присоединились представители министерств: иностранных дел, колоний, внутренних дел, продовольствия, а также различных организаций, возникших за время войны.

Участвовавшие в собеседованиях представители печати избрали из своей среды несколько доверенных лиц, принадлежавших к различным политическим партиям; эти лица должны были заботиться об обеспечении интересов печати со стороны властей и поддерживать среди своих сочленов во время собеседований и в дальнейшей работе необходимую дисциплину.

Представители властей делали доклады и давали необходимые разъяснения. Происходил также свободный обмен мнений между представителями прессы и представителями властей. Последние в необходимых случаях уполномочены были давать разъяснения доверительного характера, с целью подготовить население к тому или другому событию, или же к проведению той или иной меры.

Существовавшие в мирное время организации печати („Ферейн Берлинской прессы“, „Имперский союз печати“

и „Издательский ферейн") большой пользы делу совместной работы военного ведомства с печатью не приносили, так как их главною целью было разрешение задач хозяйственного характера.

2) Осведомление о ходе военных действий. При выполнении этой задачи, было принято за основание то положение, что право осведомления о ходе военных операций принадлежит исключительно верховному командованию, причём ни один орган печати не должен ни в малейшей мере выходить из рамок официального сообщения.

Передача газетам официальных сведений о военных действиях производилась Управлением печати через центральное телеграфное агентство (Бюро Вольфа). На опыте выяснилось, что составление этих сообщений должно заканчиваться к 11 часам утра, чтобы они могли попасть в вечерние газеты. О событиях за день делалось дополнительное сообщение в течение последующей ночи; оно печаталось в утренних газетах. Одновременно с сообщением официальных сводок печати, они передавались по радио на фронты и попадали также в неприятельскую печать.

Однако, такой прием, вызванный значительным протяжением фронта центральных держав (что не позволяло немцам делать более частые сообщения), оказался для германцев невыгодным, так как государства Антанты предпочитали посылать по радио свои сообщения уже после объявления германских сводок и при том, благодаря относительной краткости их фронтов, не менее 2-3 раз в день, что давало им возможность включать в свои сообщения даже мелкие успехи; в результате — сводки государств Антанты производили более благоприятное впечатление, имели больший успех в смысле пропаганды и придавали германским сводкам характер замалчивания неудач.

Что касается помещения неприятельских сводок в своей печати, то вначале по этому поводу никаких сомнений у германцев не возникало, и печатание их в германских газетах не встречало возражений со стороны верховного командования. Но когда обнаружился пропагандистский характер сообщений Антанты, то перед германским верховным командованием встал вопрос, как с этим бороться. Полное запрещение печатать

неприятельские сводки вызвало бы недоверие населения к правдивости германских сообщений, так как доступ в Германию нейтральных газет воспрещен не был. Добровольно отказаться от печатания их отдельные газеты не могли, считаясь с другими газетами. Печатание с пропусками также могло вызвать недоверие и упрек в замалчивании. Наконец, комментировать неприятельские сообщения в нужном смысле газеты не были в состоянии из-за недостатка вполне компетентных сотрудников.

В конце-концов было принято решение — печатанию неприятельских сводок не препятствовать, но снабжать их передаваемыми одновременно с ними комментариями, которые должны были составляться в министерстве иностранных дел при участии офицера генерального штаба. При составлении комментариев разрешался также вопрос, подлежат ли они опубликованию в германской прессе, или же только в иностранной, — так как главная цель этих комментариев была борьба с неприятельскою пропагандою.

При разрешении всех указанных выше вопросов, а также по поводу того, что́ именно может или должно предаваться гласности из событий на союзных с Германиею фронтах, Управление печати поддерживало с союзными командованиями самую тесную связь, имея в виду не нарушать интересов союзников ни в смысле принятия каких-либо решений, не соответствующих их внутренне-политическим условиям, ни в смысле замалчивания их успехов, что могло неблагоприятно отозваться на духе их армий и населения.

Постоянное и близкое соприкосновение Управления печати с прессою давало возможность верховному командованию от времени до времени доверительно осведомлять наиболее видных представителей газет также и о предполагаемых оперативных мероприятиях, — преимущественно неприятного для немцев свойства, — чтобы, с одной стороны, осторожно подготовить свое население к предстоящему событию, а с другой, чтобы помешать противнику использовать это событие в целях пропаганды, доказав всем, при помощи печати, его добровольный характер.

3) Военные корреспонденты. Из всех многообразных и сложных вопросов подготовки печати к войне единственный вопрос — о командировании в действующие

армии военных корреспондентов — попал в угол зрения германского генерального штаба в период подготовки его к мировой войне и занял место в его мобилизационных соображениях. Еще в мирное время был произведен выбор подходящих лиц, исходя, главным образом, из степени доверия, которое то или другое лицо заслуживало, с точки зрения соблюдения военной тайны. Однако, мирный выбор не вполне оправдал ожидания. Многие, весьма ценные, кандидаты в корреспонденты должны были во время мобилизации отказаться от этой роли, вследствие неудовлетворительного состояния их здоровья и тех трудностей, с которыми связана жизнь на фронте.

На Восточном и Западном фронтах было образовано по одной „штаб-квартире военных корреспондентов", которые находились в ведении специально назначенных офицеров. На обязанности последних, сверх забот о размещении и осведомлении корреспондентов, лежала также и цензура посылаемых ими корреспонденций. При этом за основание было принято требование — не допускать в печать ничего, что могло быть вредно для армии. В частности, заслуживают внимания следующие указания верховного командования, преподанные заведывавшим корреспондентами офицерам:

„Военные корреспонденты, для надлежащего выполнения своих задач, должны знакомиться с жизнью войск.

Сообщения военных корреспондентов вызвали недовольство войск тем, что в них события и обстановка изображались в таком виде, который являлся обидным для их чувства. Такое недовольство проявляется в тех случаях, когда недостаточно учитывается тягость боев или лишений. Уже по одной этой причине всякое прикрашивание в корреспонденциях должно быть избегаемо. Для большей правдивости своих сообщений корреспонденты не должны увлекаться стремлением изображать все в розовом свете. Отечество в состоянии перенести истину и может только потерять доверие к корреспонденциям из-за их неправдивости. Столь же мало уместно и изображение всего в мрачных красках. Сверх того, необходимо, чтобы в тех местах, где говорится о сооружениях, предназначенных для облегчения жизни наших войск в поле, сообщения не носили обобщающего характера, дабы не создалось впечатления, что войска абсолютно никаких лишений не испытывают".

Корреспонденты должны были быть осведомлены об общем военном положении, — но включать в корреспонденции какие-бы то ни было соображения тактического или стратегического характера было строжайше запрещено.

Когда немецкие войска принимали участие в действиях на соседних театрах, то для сопровождения их из налич-

ного числа корреспондентов выделялась специальная группа. Кроме того, имелись представители немецких газет и при союзных командованиях.

Число военных корреспондентов было ограничено; поэтому некоторые из них обслуживали по несколько газет. Отдавалось предпочтение представителям крупных и влиятельных органов. Некоторые из корреспондентов брали на себя обязанность снабжать известиями провинциальную печать, но содержание таких корреспонденций не удовлетворяло войска, получавшие газеты с родины. Поэтому было разрешено самим войскам посылать корреспонденции в газеты по месту их жительства, направляя их через Управление печати верховного командования или через окружные отделы печати, в целях цензуры. Однако, содержание таких корреспонденций оказалось чрезвычайно скудным, так как ограничивалось описанием „геройских подвигов". Ввиду этого, с 1917 года был введен институт „офицеров-корреспондентов", на обязанности которых лежало питать сведениями газеты тех местностей, откуда комплектовалась данная войсковая часть.

С целью улучшения состава военных корреспондентов в качественном отношении, производился в течение всей войны отбор наиболее способных, и для них устраивались специальные курсы, на которых они получали необходимую военную подготовку. Такие корреспонденты пользовались особым доверием Управления печати.

4) Художники, фотографы и кино-съемщики. В целях пополнения и иллюстрирования известий, сообщавшихся населению в официальных сводках и военных корреспонденциях, Управление печати допускало на театр военных действий художников, фотографов и киносъемщиков. Но при большом наплыве желающих, разрешения выдавались только тем, кто не преследовал какихлибо своекорыстных коммерческих интересов, а хотел послужить общему делу обороны. К таким лицам войска относились благожелательно, если только убеждались, что они правильно изображают картины боевой страды.

Художники допускались в район военных действий, главным образом, в целях поощрения искусства, так как масштаб боевых действий исключал возможность изображения сражений в целом. Воспроизводились только отдельные боевые сцены, да и то большею частью лишь в эски-

зах. Зато вожди и герои становились таким путем более близкими населению.

Фотография оказалась более соответствующей практическим целям. Представители иллюстрированной прессы намеренно привлекались к присутствованию при более крупных событиях, что содействовало пониманию населением обстановки на театре военных действий.

Кинематография вначале не получила должной оценки. Но когда выяснилось впечатление, которое производили в нейтральных государствах кино-съемки государств Антанты, то оказалось необходимым обратить на этот вопрос большее внимание, — главным образом, в целях борьбы с неприятельскою пропагандою. Было решено образовать при министерстве иностранных дел специальный орган, ведавший этим делом, что дало основание верховному командованию сформировать на фронте специальные фотографические и кинематографические части, подчиненные тому же „Отделу III. *B*“, в состав которого входило и Управление печати.

Что касается цензуры картин и снимков, то здесь принималось во внимание, что „ужасы войны“ не составляют главного в переживаниях войск. Поэтому органам цензуры было указано — не пропускать ничего, что могло бы односторонне влиять на настроение внутри страны, и в то же время не запрещать ничего, что может дать представление о величии подвигов армии.

5) Посещение фронта отдельными представителями печати. При нахождении на театре военных действий постоянных представителей германских газет, в качестве военных корреспондентов, посещение фронта отдельными представителями германской печати допускалось лишь в виде исключения. Это имело место, главным образом, уже во вторую половину войны и в отношении тех более крупных и влиятельных газет, которые были настроены оппозиционно и высказывались против энергичного продолжения войны.

Что касается иностранных (нейтральных) журналистов, то вначале допуск их на фронт разрешался по ходатайству министерства иностранных дел, которое в большинстве случаев исходило при этом только из соображений гостеприимства. Позднее, — при очень большом наплыве желающих и в связи с жалобами войск на обременение их посе-

тителями, — Управление печати стало давать разрешения на посещение войсковых частей только представителям крупных и влиятельных иностранных газет, отчеты которых могли быть полезны в смысле борьбы с неприятельскою пропагандою. Последнее соображение хотя и оправдалось, но все же влияние исходившей от государств Антанты печатной пропаганды оказалось значительно сильнее.

б) Связь с печатью союзных государств. Деятельность управлений печати в союзных с Германиею государствах представляется в следующем виде.

В Австро-Венгрии военные власти имели на прессу самое ничтожное влияние, так как наблюдение за печатью находилось в ведении государственной прокуратуры. Сильно сказывались также национальные разногласия. Влияние на население капиталистической прессы было в Вене и Будапеште еще сильнее, чем в Германии. Призванные к сотрудничеству с печатью военные органы сосредоточили свое внимание на историческом описании текущих военных действий и приглашали к тому же германский генеральный штаб, но последний признал такие работы несвоевременными, не считая к тому же возможным отрывать для этого офицеров от работы в армии. В конце концов „командующий квартирою военной печати" потерял всякое влияние, которое перешло к министерству иностранных дел.

В Болгарии и военное, и политическое руководство печатью было сосредоточено в руках одного лица, которое, однако, на первом плане ставило задачи политического руководства. Поэтому его пожелания встречали мало отклика в Управлении печати германского верховного командования, что привело в результате даже к охлаждению.

В Турции руководство печатью в военном и политическом отношениях было вверено разным лицам, но фактически военное руководство было всецело подчинено политическому. Это могло бы иметь хорошую сторону, если бы турецкая политика велась в полном согласии с германскою: тогда и военные интересы Турции могли бы соответственно направляться. Но на самом деле этого не было, что и вызвало необходимость непосредственного влияния на турецкую печать со стороны германского посла в Константинополе. Таким образом, работа турецкого воен-

ного руководства печатью, с точки зрения общих военных интересов центральных держав, значения не имела.

В результате описанного положения дел для германского верховного командования практически выявилась необходимость объединения всей вообще союзной печати, с целью создать единое отношение к войне со стороны всех государств, заинтересованных, наравне с Германиею, в ее успешном исходе. Между тем германское правительство, несмотря на свое первенствующее положение, не пыталось проявить хотя какое-нибудь влияние на прессу своих союзников. Ни министерство иностранных дел не поддерживало в самой Германии достаточного контакта с представителями союзной печати, ни его заграничные органы (кроме посольства в Константинополе) не проявляли в этом отношении никакой деятельности. Наконец, и союзные правительства, со своей стороны, не делали попыток направить работу своей печати на общие интересы ведения войны.

Тогда инициативу в этом вопросе проявило германское верховное командование в лице своего Управления печати. С целью устранения наблюдавшихся до того времени в союзной печати несогласованности и разнобоя, все находившиеся в Германии представители союзнических журналов и газет были приглашены объединиться и образовать при Управлении печати „штаб-квартиру союзнической прессы“. После этого им была доставлена возможность получать непосредственно от лиц верховного командования или через Управление печати все интересующие их сведения, а также предпринимать поездки на фронт и в занятые германцами местности. Цензура корреспонденций была упрощена, а почтовая пересылка облегчена и ускорена.

Позднее вся эта организация, равно как и налаженные отношения с представителями нейтральной прессы были переданы в ведение военного отдела печати министерства иностранных дел.

С тою же целью объединения работы всей союзной печати, одновременно с привлечением к совместной работе находившихся в Германии союзнических журналистов, Управление печати приглашало к себе отдельных представителей органов, руководивших печатью в союзных государствах, чтобы в контакте с ними принимать те или другие меры по организации печати в общесоюзном масштабе. Вместе с тем оно давало им возможность знакомиться с постанов-

кою этого дела в Германии, видеть работу германской армии и выслушивать пожелания военных и политических властей.

7) Военные газеты. Средством для проведения взглядов верховного командования в среду армии и в массу населения оккупированных областей явились созданные во время войны специальные газеты — армейские и прифронтовые. Оба эти вида газет состояли в ведении Управления печати, но непосредственное руководство ими сосредоточивалось в „Бюро полевой печати“, имевшихся при высших штабах. На обязанности последних лежало наблюдение за соответствующим направлением газет и доставление им необходимого литературного материала; в ведении этих же бюро находилось и руководство деятельностью „офицеров-корреспондентов“ (см. стр. 33).

Армейские газеты (на Западном фронте — 28, на русском — 11, на Балканском — 6 и на турецком — 1) сосредоточивали на себе особенное внимание Управления печати, так как они предназначались непосредственно для войск и должны были обслуживать последние интересующими их сведениями не только с театра военных действий, но и с ближайшей „родины“ войсковых частей, т.-е. из районов их комплектования.

Главнейшею целью армейских газет было содействовать подъему настроения в войсках. Лица, непосредственно руководившие газетами, должны были возможно чаще посещать соответствующие войсковые части и на месте знакомиться с их пожеланиями. Ответственное редактирование и цензура возлагались на специально назначенных офицеров.

В общем, армейские газеты должны были иметь для войск то же значение, какое имеют для населения местные провинциальные листки. Они должны были быстро информировать читателей о всех более важных событиях, сопровождая сообщения необходимыми комментариями; обсуждать все происходившее в пределах армии и внутри войсковых частей; сообщать о наиболее выдающихся подвигах отдельных лиц и целых частей; давать исторические и географические описания районов, занятых армиею; отмечать памятные для армии дни и чествование героев войны; сообщать мероприятия по довольствию войск; давать сведения о работе почты и об отпусках; указывать на необходимость соблюдения военной тайны; делать предупреждения относительно сдачи в плен и тех вопросов, которые предла-

гаются пленным; возбуждать веселость юмористическими рассказами, задавать загадки и вообще всячески содействовать поддержанию в войсках бодрого духа.

Против армейских газет в общей печати одно время велась кампания, указывавшая, главным образом, на большой расход бумаги и на отвлечение значительных квалифицированных рабочих сил. Но подсчет показал, что, при малых тиражах армейских газет, на их полное годичное издание расходовалось меньше бумаги, чем сколько потреблялось в месяц одною крупною провинциальною газетою. Что же касается рабочих сил, то они были доведены до минимума, и отвлечение их во всяком случае оправдывалось приносимою газетами пользою.

Газеты, издававшиеся в оккупированных областях, (на Западном фронте — 4, на Восточном — 9 и в Румынии — 2), наряду с информациею населения о ходе военных действий и событиях общего характера, имели преимущественно политический характер, как органы по проведению необходимых мероприятий по управлению занятыми областями. Это обстоятельство не всегда давало возможность верховному командованию устанавливать необходимое для военных целей направление этих газет, — тем более, что и политические власти (органы министерств иностранных и внутренних дел) не всегда проявляли в отношении руководства такими газетами полную согласованность (напр., в Польше). Тем не менее, некоторые из этих газет приобрели большую популярность не только в оккупированных областях, но и далеко за их пределами, — даже во враждебных Германии государствах. Таковы, напр., „La Gazette des Ardennes“, издававшаяся на Западном фронте, и „Русский Вестник“ — на Восточном. Эти газеты, по своему содержанию, предназначались также и для военнопленных, которые иногда в них сотрудничали и в лагерях которых они широко распространялись.

8) Снабжение фронта органами общей повременной печати. Вопрос о питании армии известиями из внутренних областей государства имел очень важное военное значение, ввиду того влияния, которое имели эти известия на дух и настроение войск. Последние особенно интересовались тем, что происходило в местах их постоянного жительства. Вот почему на снабжение войсковых частей газетами, издававшимися в районах их комплектования, было обращено преимущественное внимание. В этом отно-

шении предпочтение отдавалось мелким газеткам и листкам, носившим чисто-локальный характер. Основными читателями их являлась главная масса войск — рядовой и унтер-офицерский составы. Не встречали препятствий доступу на фронт и более крупные политические газеты, но они читались преимущественно офицерами. Воспрещены были только немногие газеты независимого социал-демократического направления.

Доставка газет на фронт производилась или непосредственно почтою, если газеты получались по подписке, или же через полевые и железнодорожные книжные киоски. Полевые киоски находились в ведении армейских командований или генерал-губернаторов провинций, а железнодорожные — в ведении начальников военных сообщений. Поэтому все сношения по вопросам снабжения войск внутреннею периодическою прессою велись Управлением печати через соответствующих генерал-квартирмейстеров, по соглашению с которыми проводились и все необходимые мероприятия.

Управление печати не вмешивалось в вопросы пополнения книжных киосков теми или иными газетами. Выбор последних был предоставлен усмотрению армейских командований. В большинстве случаев этот выбор определялся фактическим спросом на ту или другую газету. На Управлении печати лежала лишь обязанность проводить в жизнь основное требование верховного командования: *давать армии все, что способствует укреплению ее духа, и не допускать ничего, что действует на последний разлагающим образом.*

Заслуживает быть отмеченным, что книжные киоски не только не требовали от казны никаких расходов, но даже приносили доход, который обращался на улучшение быта войск.

9) *Военная цензура.* Первые месяцы мировой войны германская военная цензура находилась в хаотическом состоянии. Не только не имелось центрального органа, который объединял бы все возникавшие в этой области вопросы, но и создание такого органа наталкивалось на положения действовавшего законодательства. Происходившие недоразумения разрешались по усмотрению отдельных властей, — то гражданских, то военных, — а за всеми справками, указаниями и разъяснениями представители прессы неизменно обращались в Управление печати верховного

командования. Последнее уже в феврале 1915 года образовало у себя „высшее бюро цензуры“ (Oberzensurstelle), но законодательное оформление его, в качестве „Отдела цензуры“ названного Управления, последовало только через 8 месяцев, в октябре 1915 года (см. стр. 25).

Всем органам цензуры было вменено в обязанность строго согласовать свою деятельность с „намерениями и пожеланиями центральных властей, ответственных как за ведение войны, так и за внутреннюю и внешнюю политику“. Последние должны были передавать свои директивные указания органам цензуры исключительно через „Отдел цензуры“ Управления печати. Тщательное выполнение всех исходивших сверху указаний лежало на личной ответственности заведывавших местными отделениями цензуры. В последних число цензоров было неодинаково. В составе цензоров преобладали вначале юристы и чиновники гражданского управления, в том числе и полиции; однако, с течением времени число чиновников и полицейских стало постепенно сокращаться. Имелись среди цензоров также профессора и учителя, но лиц, причастных к печати, было всего трое, из которых лишь один журналист; участие последних в цензуре признавалось нежелательным.

Отдел цензуры встречал затруднения в одновременном снабжении всех подведомственных ему органов идентичными указаниями. Притом некоторые из таких указаний носили секретный для неприятеля характер, и был риск, что при значительном числе отделений цензуры, указания эти не будут сохранены в тайне. Другие распоряжения Отдела цензуры касались только руководящих и ответственных лиц и не должны были доходить не только до представителей прессы, но даже и до цензоров. Отдача подобных распоряжений вызывалась необходимостью для Управления печати знать, что именно желала бы высказать пресса и чего она не сказала бы, если бы ей было известно распоряжение по цензуре. Сведения об этом доставлялись местными органами цензуры в центральный Отдел и докладывались через Управление печати верховному командованию.

В некоторых случаях (напр., в пограничных местностях со смешанным населением, или в отношении газет противогосударственного направления) являлась необходимой предварительная цензура. Добровольные предложения некоторых газет подвергаться „предупредитель-

ной“ цензуре (Präventivzensur) отклонялись, так как это налагало большую ответственность на органы цензуры.

На деятельности третьего из отделов германского Управления печати, занимавшегося иностранною прессою, мы останавливаться не будем, так как работа его ограничивалась наблюдением, что писалось о Германии в заграничных газетах. Несколько далее мы ознакомимся с историею и функциями IV-го отдела этого Управления, возникшего лишь в августе 1916 года и ведавшего „отечественным просвещением“ (der vaterländische Unterricht), т.-е. политико-просветительною работою. Теперь же скажем несколько слов о том, как проявляло себя военное ведомство в России по отношению к перечисленным выше вопросам, составлявшим круг ведения германского Управления печати.

Совместная работа русского военного ведомства с печатью.

Из приведенных ранее данных уже можно было усмотреть, что русское военное ведомство не испытывало особенной потребности к общению с печатью и если делало это, то больше под давлением общественного мнения (поскольку оно могло проявляться в царской России), чем в силу сознания военного значения печати и возможности использования ее в интересах ведения войны. Те собеседования с представителями печати, которые велись Огенкваром, носили скорее „вежливо-предупредительный“, чем осведомительно-руководящий характер, и лишь от времени до времени использовались для целей, полезных ставке. Во всяком случае центр тяжести этих собеседований лежал в разъяснениях официальных „сообщений“ ставки о ходе военных действий. Между тем эти „сообщения“ составлялись по специально выработанным для того правилам, в числе которых имелись, например, такие: „наши потери и неудавшиеся операции и маневры обходить полным молчанием; взятых нами пленных подсчитывать почаще на разные даты, чтобы создавать иллюзию более значительного успеха“ [1]). В результате, к началу второго года войны представители петроградской прессы высказали явное недовольство общением с Огенкваром, обратившись через

[1]) Лемке, стр. 51.

редактора „Речи“, Гессена, в ставку с просьбою об устройстве собеседований редакторов газет непосредственно с начальником штаба верховного главнокомандующего, ген. Алексеевым, „для взаимного осведомления и для получения сведений, могущих уяснить обоюдные надежды и планы“ [1]). Таким общением, по мнению Гессена, было необходимо „поднять доверие общества к печати, которая, следуя за „высокоавторитетными источниками“ главного управления генерального штаба, поневоле изолгалась“.

Но, поскольку это обращение и другие, подобные ему, успеха не имели, постольку ценнее являлись для газет те корреспонденции и „обзоры“, которые анонимно (для начальства) посылались сотрудниками Огенквара, ставки и разных штабов с театра военных действий, на основании бывших в их распоряжении официальных данных, зачастую не подлежавших даже оглашению. Был такой случай (во второй половине сентября 1915 г.), что Петроградское Телеграфное Агентство получило из штаба Юго-Западного фронта и разослало сведения о бое (под Грайворонкой) раньше, чем было получено „сообщение“ ставки. Оказалось, что эти сведения были сообщены... начальником фронтового цензурного отделения... [2]).

Что касается официальной постановки вопроса о корреспонденциях с театра военных действий, то еще за два года до войны было выработано „Положение о военных корреспондентах в военное время“, которым допускалось присутствие на театре войны только 20 корреспондентов (10 русских и 10 иностранных) и 3 фотографов. Эти лица должны были быть „утверждены в своем звании“ начальником генерального штаба, но предварительно, наряду с представлением всевозможных справок „о благонадежности“, от них требовалось еще внесение денежного залога: для русских военных корреспондентов — 25.000 р., для иностранных — 75.000 франков и для фотографов — 10.000 рублей. Допущенным на театр военных действий корреспондентам и их прислуге воспрещалась отлучка за пределы района расположения штаба главнокомандующего. Сложить с себя звание они могли лишь „по особому о сем ходатайству перед начальником штаба главнокомандующего“, при чем тогда

[1]) Лемке, стр. 84.
[2]) Там же, стр. 50.

обязательно высылались с театра военных действий. „Положение“ предусматривало целый кодекс карательных мер: за неимение на левом рукаве присвоенной повязки; за непредъявленную в цензуру, хотя бы не предназначенную для печати, но затем напечатанную статью или иллюстрацию; за отлучку без разрешения; за умышленный переход к противнику; за шпионство; за общие преступления; за нарушение правил цензуры и пр. Кроме предания суду, для виновных предусматривалось наложение штрафов (до 10.000 рублей) и административных взысканий, которые обжалованию не подлежали. „Лишенные звания“ военные корреспонденты и фотографы высылались с театра военных действий в одну из внутренних губерний и отдавались под гласный надзор полиции до прекращения действий военной цензуры. При обратной выдаче корреспондентам внесенных ими залогов проценты не присчитывались.

Несмотря, однако, на столь драконовские условия, желающих „получить звание“ военных корреспондентов находилось достаточно, но „избранных“ среди них было чрезвычайно мало. Отказывали даже выдающимся публицистам. В конце сентября 1914 года, с особого разрешения верховного главнокомандующего, на фронт были допущены 7 иностранных и только 3 русских корреспондента. В течение следующего затем года число русских корреспондентов возросло до 6, и тогда же были утверждены новые, более мягкие правила [1]), допускавшие коллективные посещения корреспондентами отдельных районов, по заранее выработанному маршруту и по указанию состоявшего при корреспондентах офицера генерального штаба. По новым правилам, от корреспондентов отбирались подписки, что они будут строго соблюдать правила цензуры и не писать — даже в будущем — о том, что может быть использовано противником во вред армии. Расходы по передвижениям и по квартированию корреспондентов военное ведомство принимало на себя, исчисляя их по 10 руб. в сутки на человека. Нейтральные корреспонденты еще раньше содержались на средства казны.

Эти правила в дальнейшем существенным изменениям не подвергались.

Особенным вниманием ставки пользовались нейтральные корреспонденты, так как их благоприятные отзывы

---

[1]) Лемке, стр. 135—137.

и сообщения об армии оказывали непосредственное влияние на отношение к России общественного мнения представленных ими стран. Ценность последнего фактора в достаточной мере учитывалась руководящими военными кругами, почему на распространение за границей нужных для ставки сведений и ее „сообщений“ было обращено соответствующее внимание. С этою целью, независимо от официального Петроградского Телеграфного Агентства, в Стокгольме, Копенгагене и Бухаресте были созданы отделения Телеграфного Агентства „Норд-Зюд“, оплачиваемые военным ведомством и состоявшие в ведении главного управления генерального штаба. На обязанности этих отделений лежало также осведомление ставки о появлявшихся в иностранной печати наиболее важных в военном отношении сведениях. Однако, „Норд-Зюд“ выполняло возложенные на него задачи далеко не удовлетворительно, а между тем поглощало на свое содержание довольно большие средства, почему уже в мае 1916 года было приступлено к ликвидации этого Агентства.

Попытка оказывать влияние на общественное мнение нейтральных государств производилась также через их национальную печать, равно как и через специально создаваемые на русские средства газеты. Насколько успешно велось это дело, можно составить себе представление по приводимому ниже в выдержках тексту официальной телеграммы русского посланника в Румынии Поклевского-Козелл, на имя министра иностранных дел Сазонова, от 12-го (25-го) мая 1916 года: [1]).

... „Мне кажется, что в деле воздействия на здешнюю прессу и общественное мнение нам следует продолжать наш теперешний образ действий а именно, удерживать, не останавливаясь перед расходами и при содействии наших друзей, независимые органы здешней печати от перехода к немцам, помогать отдельным журналистам, которые нам полезны, и от времени до времени субсидировать издание брошюр с целью пропаганды и для поддержания здесь враждебного австро-германцам настроения. Создание здесь нами новых органов печати я считаю совершенно излишней тратой денег, так как такие газеты вперед скомпрометированы, они не оказывают никакого влияния на общественное мнение, и даже, наоборот, самое их появление подает повод к резкой критике, как мы то видим на примере немцев. В этом мнении меня также убеждает газета „Patria“, субсидируемая Веселкиным, которая очень мало распространена, и если появление ее еще не вызвало нападок на нас, то только потому, что ею не интересуются, а потому факт получения ею субсидий из России пока

[1]) Цитирую по Лемке, стр. 839—841.

мало известен. По всей вероятности, такая же участь ожидает здесь и газету сербского генерального консула в Бухаресте, которая, по слухам, должно быть скоро появится при субсидии, хотя, может быть, в этом деле наше участие и удастся сохранить в тайне. Относительно дальнейших ассигнований на указанную выше цель я полагаю, что по скором уже израсходовании теперешнего кредита, ныне отпускаемая сумма в 100.000 рублей хватит на довольно долго для производства текущих расходов, а именно на субсидирование, начиная с этого месяца и совместно с моими коллегами, газеты „Journal der Balkans", на некоторые издания, на более широкие абонементы, на уже существующие газеты и на помощь отдельным журналистам, когда в том окажется надобность. В отношении же здешней независимой прессы, которая единственно принимается серьезно в расчет в Румынии, наше нынешнее положение можно считать весьма благоприятным, так как из пяти таких газет „Universul", „Adeverul", „Deimineanza" и „Nationalule" на нашей стороне, и одна лишь шантажистского характера „Drentatea" придерживается германофильского направления. Для удержания этой прессы на нашей стороне нами уже приложены значительные усилия, но, может быть, в будущем придется принести для этого еще большие жертвы, размер коих вперед определить невозможно... Возможно, что для предупреждения перехода этих газет к немцам нам придется даже купить большинство паев этих предприятий... Кроме того, полезным способом действия на отдельных здешних лиц было бы разрешение им иногда вывоза из России некоторых продуктов... Мерой, которая произвела бы прекрасное впечатление на более широкий круг лиц, я считал бы разрешение вывезти из России в Румынию несколько сот шин для главнейших здешних политических и общественных деятелей..."

В телеграмме от 31 мая (13 июня) 1916 года Поклевский-Козелл сообщает Сазонову:

„Главный редактор органа Таке Ионеску газеты „Rumani" конфиденциально просил меня провести в России подписку на 200 номеров этой газеты на сумму в 12.000 рублей в течение одного года. Если это дело трудно устроить в России, то миссия могла бы выдать ему эту сумму из ожидаемого ею из министерства перевода в 50.000 рублей, но я просил бы указать, куда и в какие учреждения следовало бы отправлять двести номеров упомянутой газеты".

Мы не имеем под рукой данных относительно постановки дела воздействия на печать в других нейтральных государствах, помимо Румынии, но едва ли даже есть необходимость добавлять что-либо к той яркой и живой картине, которую дают приведенные выше телеграммы Поклевского-Козелл. Да и комментарии к ней излишни.

Совсем не то внимание уделялось предназначенным „для внутреннего употребления" военным (армейским) газетам, а также вообще делу снабжения войск литературою. По этому поводу Лемке пишет (стр. 117):

„Армейский Вестник", орган штаба Юго-Западного фронта и „Наш Вестник"—Западного фронта, более или менее известны. Но в армии

есть ещё издания, напр., „Известия штаба XI армии, „Боевые Новости“ X-й армии, „Последние Армейские Известия“ III-й армии, которые почти никому не известны, и комплекта их не имеется даже в ставке, потому что здесь ими ровно никто не интересовался и не интересуется...

Вопрос о том, что армию нужно занять чтением, обратил на себя внимание еще в самом начале войны. 8 августа 1914 года Янушкевич сообщил главнокомандующим фронтами, что Верховный приказал озаботиться скорейшим снабжением войсковых частей газетами, конечно, патриотического направления, и бюллетенями о событиях на всех театрах военных действий. 16 декабря 1914 года начальник штаба Северо-Западного фронта выпустил объявление: „В городе Москве издается патриотическая газета „Голос Русского“. С разрешения главнокомандующего (ген. Рузского), все части войск, входящие в состав фронта, могут получать эту газету бесплатно“. К чести и уму частей войск надо прибавить, что эта слякоть не была ими принята, а где выписывалась—лежала нетронутой, получая потом чисто бумажное употребление...“

„24 июля 1915 года начальник генерального штаба Беляев просил Янушкевича разрешить распространять „Московские Ведомости“ в армии без просмотра их номеров в цензуре фронтов и был поддержан начальником главного управления по делам печати Катениным. Янушкевич, просветленный, все-таки, годом войны, 17 августа ответил, что не находит возможным делать исключение для газеты, так как указываемое ее патриотическое направление отличает и многие другие органы“.

Совершенно другой характер приобрело снабжение войск текущею литературою, а также, в особенности, издание армейских газет после февральской революции и, в частности, перед Великим Октябрем. „Окопная Правда“ и другие подобные ей газеты производили глубокое впечатление и находили живейший отклик в широких слоях армии...

Обратимся теперь к военной цензуре [1]).

Мы не будем вдаваться в анализ по существу всех постановлений и распоряжений, касавшихся военной цензуры, а также излагать всю историю сношений по вопросам, возникавшим во время мировой войны в отношении применения на практике положений о военной цензуре. Интересующихся этою стороной дела мы отсылаем к труду Лемке „250 дней в царской ставке“, где автор посвящает рассмотрению указанных вопросов свыше 80 страниц (360—442 стр.) и приводит целиком соответствующие документы. Мы вкратце изложим здесь лишь те основные положения, на которых базировалась работа военной цензуры, структуру ее аппарата, главные дефекты в работе,

---

[1]) См. Н. А. Громов „Цензура и шпионство по законам военного времени“. Издание неофициальное. Петроград, 1914 г.

попытки министерства внутренних дел использовать таковые для превращения военной цензуры в политическую и как реагировало на эти попытки военное ведомство.

Утвержденное 20 июля (2 августа) 1914 года „Временное положение о военной цензуре" определяло последнюю как „меру исключительную", имеющую своим назначением „не допускать по объявлении мобилизации армии, а также во время войны, оглашения и распространения путем печати, почтово-телеграфных сношений и произносимых в публичных собраниях речей и докладов сведений, могущих повредить военным интересам государства".

Объектами рассмотрения военной цензуры должны были быть: 1) всякого рода произведения тиснения, эстампы, рисунки, фотографические снимки и т. п., предназначенные к выпуску в свет, 2) почтовые отправления и телеграммы и 3) тексты и конспекты речей и докладов, предположенных к произнесению в публичных собраниях.

Военная цензура устанавливалась:

1) в полном объеме — исключительно на театре военных действий, где она должна была заключаться: а) в предварительном просмотре всех перечисленных выше объектов ее рассмотрения и б) в просмотре и выемке как внутренних, так и международных почтовых отправлений и телеграмм;

2) частичная — вне театра военных действий, заключавшаяся в просмотре и выемке исключительно международных почтовых отправлений и телеграмм, внутренних же — лишь в отдельных случаях, по распоряжению главных начальников военных округов.

На театре военных действий делами военной цензуры ведали штабы главнокомандующих армий, флота и военных округов. Вне театра военных действий установлениями военной цензуры были: 1) главная военно-цензурная комиссия, состоящая при главном управлении генерального штаба, 2) местные военно-цензурные комиссии — при военно-окружных штабах и 3) военные цензоры.

В состав главной военно-цензурной комиссии, кроме председателя и секретаря, входили 7 членов: по одному от министерств военного, морского, юстиции и иностранных дел и 3—от министерства внутренних дел (от управления по делам печати, главного управления почт и телеграфов и департамента полиции). Местные военно-цензурные

комиссии, кроме председателя и секретаря, имели в своем составе 5 членов: по одному от ведомств военного и морского (в случае надобности) и 3—от ведомства внутренних дел (от местных установлений, наблюдавших за печатью, от почтово-телеграфного ведомства и местной гражданской администрации).

Военным цензорам предоставлено было (ст. 31 „Положения") дискреционное право—„не допускать к опубликованию путем печати всякого рода сведений, хотя бы и не предусмотренных правилами, но которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства".

Действие военной цензуры прекращалось с приведением армии на мирное положение.

Таким образом, уже в самом начале войны для военной цензуры был создан стройный аппарат и издано „Положение", точно определявшее обязанности ее органов. Казалось бы, при таких условиях работа военной цензуры должна была протекать безукоризненно. Но на самом деле уже в течение первого года войны выяснилось, что „установление законом двоякого рода военной цензуры, полной и частичной, привело на практике к тому, что „московские и провинциальные газеты свободно трактуют о том, что строжайше запрещено для изданий петроградских и выходящих в местностях, объявленных состоящими на театре военных действий" [1]). Кроме того, „во многих местностях состав военных цензоров чрезвычайно разнообразный и состоящий из офицеров, преимущественно отставных, преподавателей учебных заведений и чиновников гражданского ведомства, призванных из запаса... За недостатком подходящих людей, в состав цензуры привлекаются иногда военным ведомством люди уже пожилые, которым напряженная и носящая срочный характер работа не по силам, и даже люди с физическими недостатками, как, например, в гор. Киеве, где во главе военной цензуры стоит человек совершенно глухой" [2]).

Наконец, даже там, где подбор цензоров не вызывал нареканий, все же „в среде военных цензоров из лиц воен-

---

[1]) Из записки „О положении и деятельности военной цензуры", приложенной к письму министра внутренних дел, кн. Щербатова, на имя нач. штаба верх. главнокомандующего Янушкевича, от 11 июля 1915 г. (см. Лемке, стр. 391).

[2]) Оттуда же (Лемке, стр. 392).

ного и морского ведомства проявляются нередко различные мнения о том, что допустимо или не дозволено к печати, и статьи различных газет по одному и тому же вопросу одними военными цензорами разрешаются, а другими запрещаются“ [1]).

Указанными выше дефектами в организации и работе военной цензуры не замедлило воспользоваться министерство внутренних дел, которое, в лице кн. Шербатова, а затем — Горемыкина, при усиленной поддержке пресловутого Белецкого и под предлогом улучшить работу военной цензуры, уже с июля 1915 года начало бомбардировать ставку — то непосредственно, то с обходом ее путем докладов царю — указаниями на необходимость внести в работу военной цензуры целый ряд изменений, смысл которых сводился к превращению военной цензуры в орган департамента полиции. Несмотря на крайнее противодействие этому с стороны ставки, стремившейся сохранить за военной цензурой ее прямую роль и издавшей для этого в период с июля по декабрь 1915 г. несколько распоряжений, министерство внутренних дел не унималось. 14 декабря 1915 года Горемыкин, после предварительного доклада своих пожеланий царю и получив от последнего указание договориться об их исполнении с начальником штаба, обратился к Алексееву с доверительным письмом, в котором, между прочим, писал: [2])

„Военная цензура, просматривая предназначенный к выпуску в свет газетный материал, должна оценивать последний не с одной лишь узко-военной точки зрения, а и с общеполитической, дабы не допустить опубликования таких статей, сведений, слухов, рассуждений и сообщений, которые могли бы итти во вред сохранению общественного единения и воодушевления пред лицом вторгнувшихся в Россию вражеских полчищ. ... Таким образом, представлялось бы полезным предоставить министру внутренних дел оповещать ведающие военно-цензурными установлениями власти о тех вопросах, которые в данное время признаются по общеполитическим соображениям подлежащими изъятию со страниц печати“.

В надписи, которую сделал Алексеев на этом письме, впервые блеснула мысль о правильном отношении к печати, — и можно лишь недоумевать, каким образом эта мысль родилась в голове человека, всю жизнь проявляв-

---

[1]) Оттуда же (Лемке, стр. 393).
[2]) Лемке, стр. 420—424.

шего таланты и кругозор лишь добросовестного столоначальника.

Вот надпись Алексеева, адресованная генерал-квартирмейстеру штаба: „Прошу доложить. Ни слова нет о нравственном воздействии на печать, об обращении большей ее части в мощную союзницу. Средства для этого имеются большие. Цель важная“ [1].

В затхлой жандармско-полицейской атмосфере того времени здравая мысль Алексеева, конечно, не могла оказаться жизнеспособной. Тем не менее, в ответном письме на имя Горемыкина, в котором Алексеев вынужденно соглашался с предложениями министерства внутренних дел (департамента полиции), он не преминул высказать и свои соображения:

„... правильное направление деятельности печати, в чрезвычайной обстановке настоящего времени, представляется существенно важным.

Помимо тех больших средств, какие имеются, чтобы взять печать в руки, полагаю также существенно важным организацию нравственного воздействия на печать с тем, чтобы обратить ее в мощного союзника и привлечь к общей работе по укреплению власти, усилению армии и к борьбе с врагом. Цель важная.

По отношению тех вопросов, которые признаются, по общеполитическим соображениям, подлежащими изъятию со страниц печати, желательно, чтобы министр внутренних дел оповещал не непосредственно власти, ведающие военно-цензурными установлениями на театре военных действий, а меня для соответствующих распоряжений“.

Таким образом, дальнейшая роль военной цензуры, как средства полицейского воздействия на печать, была предрешена. В борьбе за „направление деятельности печати“ победу одержал не „нравственный“ стимул Алексеева, а полицейско-бюрократический режим Горемыкина, Белецкого и К°.

Мы рассмотрим теперь работу германского Управления печати в той области, которая во время мировой войны осталась девственно-нетронутой в царской России, а именно — политико-просветительную работу в армии и среди населения.

---

[1] Лемке (стр. 424) категорически утверждает, что, упоминая о „средствах“, Алексеев отнюдь не имел в виду „рептилиен-фонда“. В январе 1916 года Лемке лично слышал от Алексеева следующую фразу: „Каким надо быть циником, чтобы вступать на путь денежных подачек печати“.

Политико-просветительная работа (der vaterländische Unterricht).

Следуя указаниям Мольтке, преподанным еще в августе 1914 года, о необходимости всеми мерами поддерживать в населении единое, бодрое и самоотверженное настроение в отношении войны, германский генеральный штаб, как уже сказано выше (стр. 21), не встречал в этом смысле поддержки со стороны правительства, а потому, будучи предоставлен самому себе, стремился достичь означенной цели только путем дружной совместной работы с прессою.

Этого было достаточно в течение первых двух лет, пока в населении не остыл еще воинственный пыл и пока оно интересовалось почти исключительно военными действиями. Но, когда ухудшились хозяйственные условия, а влиянию пропаганды противника ничего существенного противопоставлено не было, то верховное командование увидело себя вынужденным обратиться и к другим мерам. Бросив в печать вопрос: „где же наши ученые и поэты?“ ген. Фалькенгайн в мае 1916 года попытался через Управление печати организовать внутри страны „культурный союз“, с целью использования его для внутренней пропаганды. Но так как требовались расходы, а у имперского канцлера на это дело кредитов не оказалось, то попытка Фалькенгайна успеха не имела.

Тем не менее имперская канцелярия предприняла самостоятельно, — уже без участия верховного командования,— агитацию среди существовавших „национальных“ обществ об оказании ими содействия формированию новых таких же обществ, а также проведению соответствующего влияния на печать. Однако, это не встретило сочувствия со стороны высших военных властей, особенно на местах, откуда в ежемесячных донесениях сообщалось, что „вновь образованные общества служат скорее интересам неприятеля, чем интересам отечества“.

Единственным представителем правительства, работавшим в это время в духе пожеланий верховного командования, оказался министр народного просвещения, издавший через подведомственные ему учреждения ряд популярных „стрелково-окопных брошюр для германского народа“, в которых „для самостоятельного размышления“ объяснялись причины войны и то влияние, какое она оказывает на экономическое положение государства.

В августе 1916 года, по настоянию ген. Фалькенгайна, имперский канцлер созвал совещание из представителей центральных властей по вопросу о том, „каким образом, путем планомерной работы отдельных ведомств, содействовать укреплению народного духа и готовности населения вести войну до победного конца".

Однако, и это совещание практических результатов не дало.

Лишь со вступлением в верховное командование Гинденбурга и Людендорфа вопрос об укреплении народного духа был включен в так наз. „программу Гинденбурга".

Тогда, с согласия правительства, Управлению печати было поручено подготовить проведение в жизнь необходимых в военном отношении мероприятий. Был образован IV-й Отдел, в который вошли наиболее выдающиеся силы, работавшие до того совместно с прессою. Зашевелились и другие ведомства. Так, министр народного просвещения предложил Управлению печати свое содействие в снабжении „курсов для подготовки руководителей и руководительниц молодежи" такими материалами, которые могли бы „укреплять доверие, рассеивать волнующие слухи, разъяснять необходимость хозяйственных мер, удерживать оставшихся дома родственников от посылки на фронт жалобных писем и освещать военное положение". Министерства военное, продовольствия, общественных работ и просвещения стали издавать журналы просветительного характера. Министерство внутренних дел стало снабжать материалами общую прессу. Оно же, вместе с министерством иностранных дел, приступило к широкому распространению издававшихся при Управлении печати „Военных Известий", как внутри страны, так и за границею [1]). Министерство народного просвещения и имперское управление почтами потребовали увеличения тиража „Военных Известий" для распространения их среди своих служащих... Короче, — полная пассивность сменилась кипучей деятельностью.

Однако, деятельность эта оказалась совершенно неурегулированною. Недоставало общего руководства. Тогда, по предложению генерального штаба, были организованы при Управлении печати регулярные ежемесячные совеща-

---

[1]) „Военные Известия" выходили три раза в месяц, в объеме 12—16 страниц. Тираж их доходил до 175.000 экз.

ния представителей заинтересованных ведомств. В результате — фактическое руководство всем делом „отечественного просвещения“ сосредоточилось в руках верховного командования, в лице его Управления печати. Окружные Отделы печати стали вести соответствующую работу на местах. Вскоре подобные же организации образовались и в отдельных государствах имперского союза. В конце концов Управление печати верховного командования сделалось не только организующим и руководящим, но и вдохновляющим всю работу центром.

Таковы, в общих чертах, история возникновения и организация политико-просветительной работы внутри страны. Что касается такой же работы в армии, то ее содержание и организация были окончательно определены лишь в июне 1917 года специальною инструкциею, за подписью Людендорфа.

Основные тезисы этой инструкции сводились вкратце к нижеследующему [1]:

1. Чем более жертвы войны давят на дух войск, тем необходимее поддерживать в армии чувство долга и волю к борьбе.

2. Средством для этого является „отечественное просвещение“, которое должно вестись в армии вполне согласованно с тем, как оно ведется внутри государства.

3. Ответственными за правильную постановку занятий в войсках являются главнокомандующие, генерал-губернаторы и начальники военных округов, в распоряжение которых назначаются офицеры, осведомленные в политических и экономических вопросах и обладающие необходимым тактом; желательно привлекать к участию в работе офицеров генерального штаба.

4. Рекомендуется при управлениях армий, корпусов и дивизий, а также при инспекциях этапов, создавать постоянные организации; в низших подразделениях работу организовать применительно к местным условиям.

5. В войсковых частях занятия должны вестись соответственными начальниками, в помощь которым могут привлекаться унтер-офицеры и рядовые.

6. Необходимо удалять от войск все, что неблагоприятно влияет на их настроение и разъяснять все, что ложно или вредно.

7. Материалы для ведения занятий даются Управлением печати, которому надлежит сообщать для сведения о всех вопросах, возникающих в войсках и нуждающихся в освещении; ему же руководители занятий сообщают о результатах своего опыта.

8. Управление печати содействует ведению занятий посредством:

а) своих корресподенций;

б) издания брошюр;

в) оборудования полевых бюро печати;

---

1) В. Николаи, стр. 119—122.

г) издания картин и плакатов, понятных солдатам;

д) печатания летучек и

е) издания и распространения „Известий отечественного просвещения“, в которых должны помещаться сводки и обработка опытных данных.

9. Армейским командованиям принадлежит право указания подлежащих использованию материалов; руководители занятий должны поддерживать тесную связь с дивизионными штабами.

10. Материалы используются путем:

а) устройства докладов, вечерних бесед, полевых кино - и театральных представлений;

б) помещения в армейских газетах;

в) включения в полевые библиотеки-читальни;

г) продажи в полевых книжных киосках.

11. Управление печати должно заботиться, чтобы по предметам занятий с войсками велись занятия также и внутри государства; для этого могут быть используемы надежные отпускные.

12. Важнейшие предметы занятий.

а) причины войны; влияние войны на экономическое развитие государства; необходимость победы;

б) достигнутые за время военных действий результаты, определяющие уверенность в окончательном успехе;

в) необходимость и значение руководства во всех областях государственной деятельности;

г) политические планы неприятеля и как им противостоять (внутренние условия и пути к их улучшению).

Проведенная по указанной выше программе работа дала не везде одинаковые результаты: последние зависели от энергии выполнявших программу властей, а еще более — от личных качеств руководителей. Между прочим, выяснилось, что офицерский состав не вполне соответствовал, по своим знаниям, предъявлявшимся требованиям, а на специальную подготовку его не было времени.

Деятельность Управления печати не ограничивалась одними распоряжениями и преподанием в „Известиях отечественного просвещения“ полезных советов, но значительно вышла за намеченные программою пределы, заключив в себе также: организацию просветительных экскурсий с фронта в тыл и обратно; устройство поездок крестьянства в промышленные области; ознакомление рабочих с потребностями сельского хозяйства; привлечение культурных сил на фронт для разного рода докладов и т. п.

Подобная же работа проводилась также среди германских войск, находившихся в Болгарии и Турции.

Однако, описанная выше постановка дела „отечественного просвещения“ не вполне удовлетворяла верховное командование. Признавая за этим делом прежде всего военное значение и считая наиболее приспособленным

для его проведения в жизнь военный аппарат, оно все же полагало, что политические и экономические вопросы освещались бы для масс гораздо полнее и в большем соответствии с потребностями момента, если бы руководство их разъяснением принял на себя орган, непосредственно подчиненный имперскому канцлеру.

Так к концу войны дело и разрешилось, при чем правительство „перегнуло палку" уже в другую сторону: оно изъяло из ведения верховного командования сначала — „отечественное просвещение", затем — цензуру и, наконец, остальных два отдела Управления печати...

Пропаганда путем печати.

Хотя Людендорф в своих „Воспоминаниях" и говорит, что немцами „устной пропаганде придавалось главное значение", так как „передача новостей от одного к другому — самое опасное, а потому и самое лучшее средство пропаганды", ибо „мысль висит в воздухе, а откуда она — никто не знает", тем не менее следует признать, что главную роль в разгроме центральных держав сыграла все таки не устная, а организованная печатная пропаганда государств антанты.

Интересно и поучительно ознакомиться, хотя бы в общих чертах, с тем, как было поставлено это дело у западных противников Германии в мировую войну. Полную картину его дает книга Кэмпбеля Стюарта „Тайны дома Кру", автор которой был помощником директора „Отдела пропаганды в неприятельских странах" и непосредственным сотрудником лорда Нортклифа.

Картина эта рисуется в следующем виде.

Уже в первые месяцы войны государства антанты решили помещать в своих и нейтральных газетах статьи такого содержания, которое содействовало бы формированию благоприятного для них общественного мнения и в то же время вызывало бы осуждение политического и военного образа действий Германии и ее союзников. Этим имелось в виду оказать непосредственное влияние на нейтральные и колеблющиеся страны.

Одновременно Англия взяла на себя инициативу вести соответствующую пропаганду также и среди неприятельского населения, для чего командировала в штабы союзных с нею армий по несколько офицеров, получавших

для своей деятельности указания от „специального“ отдела министерства иностранных дел в Лондоне.

Хотя эти далеко не совершенные попытки деморализовать противника и имели успех, но все же они были признаны недостаточными, почему в феврале 1918 года был организован особый „отдел пропаганды в неприятельских странах“, директором которого был назначен лорд Нортклиф, а помощником его — Кемпбель Стюарт.

Вновь образованный отдел прежде всего объединил и привел в систему все агентства пропаганды, работавшие до того разрозненно, а затем стал систематически давать им указания, вполне согласованные с действительными намерениями Антанты и основанные на действительных фактах,—но эти намерения и факты получали такое освещение, которое разлагающим образом действовало на психику противника.

„Оперировать истиною“ — было основным положением всей работы лорда Нортклифа. Но это „оперирование“, имевшее целью „ дать привлекательную перспективу мира после войны“, только в том случае могло расчитывать на успех, „если пропаганда задолго предшествует событиям реальной политики“. „Пропаганда должна расчистить путь политике и формировать общественное мнение незаметным образом“ (Людендорф).

Для такой постановки пропаганды необходимою предпосылкою являлось полное согласие между союзниками относительно целей войны, — и это согласие было достигнуто, благодаря, в значительной степени, усилиям лорда Нортклифа.

Работа „отдела пропаганды“ ярче всего выявляется из тех его действий, которые были направлены к расчленению Австро-Венгрии. Чтобы достичь этой цели, при штабе итальянского верховного командования была образована постоянная междусоюзническая комиссия пропаганды. К ней были прикомандированы представители комитетов всех национальностей, входивших в состав двуединой монархии. Необходимые для использования сведения комиссия получала из специально организованного в Берне бюро. При комиссии издавался еженедельный журнал на четырех языках — польском, чешском, хорватском и румынском—и, кроме того, печатались брошюры и выпускались манифесты. Вся эта литература распространялась среди австро-венгерских войск при помощи аэро-

планов, специальных приспособлений и дезертиров разных национальностей. Были использованы также установленные между окопами граммофоны, пробуждавшие национальные чувства среди отдельных народностей австро-венгерской армии. В результате — дезертирство развилось до такой степени, что целые войсковые части со своими командирами переходили на сторону итальянцев.

По отношению к Германии был применен другой прием. Там работа шла на расслоение: сначала — между императорским домом и населением, затем — между правительством и народом, далее — между верховным командованием и армиею и, наконец, между начальствующим составом и подчиненными. Для этого издавались и распространялись с аэропланов и другими путями агитационные листки, которых в некоторые периоды войны на одном только Западном фронте выпускалось до $5^1/_2$ миллионов экземпляров в месяц; сообщались также войскам и населению „точные известия" о ходе военных действий, распространялись диаграммы, карты, журналы и даже книги, внешний вид которых совершенно не отвечал содержанию...

На все это тратились, конечно, крупные суммы; тем не менее, по подсчету Кэмпбель Стюарта, общая стоимость всей работы отдела пропаганды в течение 10 месяцев 1918 г. не превысила для Англии одной сотой стоимости одного дня войны.

Такова общая картина антигерманской пропаганды в изображении Кэмпбель Стюарта. Дополним эту картину теми штрихами, которые рисуют эффект, произведенный пропагандою на германское правительство и верховное командование, для чего воспользуемся признаниями В. Николаи [1]).

„Печать была сильнейшим средством неприятельской пропаганды. Часть ее изображала нас за границею, как виновников войны, затягивающих последнюю своими стремлениями к захватам и мировому господству, или как уже побежденных, чтобы заставить нейтральные государства примкнуть к Антанте и чтобы скрыть нарушения Антантою международного права, а также подготовить почву для „погромного мира" (Vernichtungsfrieden). Другая часть печати была предназначена для ослабления нашей боевой силы. Это и было целью всей пропаганды; работа последней за границей являлась лишь средством для достижения указанной цели. Она была предназначена и приспособлена для того, чтобы окружить Германию кольцом враждебных ей иностранных государств. Она расчитывала на помощь изнутри, со сто-

---

1) Стр. 156—165 (Курсив везде мой. Н. П.).

роны антигосударственных элементов, пораженцев, шептунов и находившихся в Германии интернациональных мечтателей. И в этом отношении она не просчиталась. Она нашла также поддержку себе в лице безродных германских дезертиров и политических беженцев. Согласованность действий Антанты простиралась до того, что даже в пропаганде на нашем Восточном фронте принимали участие английские и французские офицеры.

„Главною задачею пропаганды было разрушить монархию Гогенцоллернов...

„Когда, со вступлением Америки в войну, прекратилась антимонархическая пропаганда, то почувствовалась и скоро приняла значительные размеры пропаганда с целью подрыва доверия к германскому командованию.

„Неприятель не стеснялся открыто возвещать о целях своей пропаганды. Он проводил их в жизнь многочисленными газетными статьями. Массами появились пропагандистские летучки, но особенно бесстыдны были графические изображения, возбуждавшие общественное мнение против Германии даже в ее пределах...

„Разведка, контр-разведка и Управление печати представляли по команде обширный материал обо всех разветвлениях неприятельской пропаганды и давали совершенно ясную, исчерпывающую картину всех ее целей, путей и средств.

„Но Генеральный Штаб не являлся подходящим учреждением ни для борьбы с пропагандою, ни для организации контр-пропаганды. Верховное командование могло принимать меры только на театрах военных действий. Ведавшие разведкою офицеры побуждали войсковых начальников к передаче им сброшенных неприятелем летучек и изображений, поощряя к этому войска уплатою вознаграждения. Командный состав и руководители „отечественного просвещения" выступали против пропаганды с разъяснениями. Почти везде войска, как только узнавали неприятельскую пропаганду, чуждались ее. Сдаваемые разведывательным офицерам летучки исчислялись десятками тысяч, а целые, невскрытые тюки их доказывали, что войска не оказывали внимания неприятельской лжи. Но все это изменилось, когда такие же мысли стали проникать в войска с тыла. Неприятельская пропаганда только тогда стала оказывать влияние на дух войск, когда пропаганда на фронте протянула руку пропаганде в тылу".

Все материалы по неприятельской пропаганде передавались, для принятия необходимых мер, ответственным гражданским властям, а Гинденбург сделал со своей стороны имперскому канцлеру представление о необходимости учредить, в противовес противнику, пост „министра пропаганды". Но из этого представления ничего не вышло, и Гинденбург должен был от себя обратиться к населению и армии с воззванием, которое заканчивалось словами: „Wehre Dich, deutsche Heimat und deutsches Heer!" („Берегись немецкая родина и немецкая армия!").

Любопытную и очень характерную подробность сообщает в своем труде В. Николаи (стр. 159) об отношении гражданских властей к работе Антанты по разложению Германии:

„Когда появились первые доказательства злостности неприятельской пропаганды, то, к моей тихой, но болезненной радости, результатом одного из совещаний, состоявшихся при отделе заграничной службы министерства иностранных дел, было решение — пригласить психиатра, в качестве эксперта, который на основании неприятельских пропагандистских произведений доказал бы ненормальное состояние у неприятеля умственных способностей".

Людендорф в своих „Воспоминаниях" [1]) очень резко выявляет значение пропаганды и тот эффект, который производила на немцев пропаганда Антанты.

Вот несколько выдержек.

„Перед лицом неприятельской пропаганды мы чувствовали себя как кролик перед удавом".

„Пропаганда была испытанным и могучим английским средством борьбы. Благодаря ей, Ост-Индская компания достигла блестящих результатов при завоевании Индии. Пропаганда создала в Англии школу. Англия была единственным государством, которое уже давно, вполне сознательно и с поистине широким размахом пользовалось этим вспомогательным средством политической и военной борьбы для своей национальной политики, стремящейся захватить весь мир в сферу своего влияния...

„Еще до войны внимательным наблюдателям стала заметна пропаганда, которую вели наши теперешние враги. Уже тогда они начали планомерную работу. Ей, в первую очередь, Англия и Франция были обязаны успехами свой политики, между тем как наше мировое положение благодаря ей было подорвано... Влияние на мировую прессу стран, вошедших ныне в состав Антанты, ускользнуло, повидимому, от внимания наших политических руководителей.

„Во всех неприятельских странах были созданы сильные пропагандистские организации, находившиеся под руководством опытных государственных и политических деятелей. Они повсюду работали по одному плану, объединив свои силы, следуя ясным указаниям и располагая огромными денежными средствами. Они имели филиальные отделения в нейтральных государствах... Специальные организации занимались оживлением национальных стремлений...

„Между тем, как на театре военных действий инициатива почти до самого конца оставалась в наших руках, в борьбе умов неприятель с самого начала вел атаку единым сомкнутым по всей линии фронтом и нашел себе союзников не только во множестве дезертиров в нейтральных государствах, но, к сожалению, встретил поддержку и в самой Германии...

„Англия специализировалась, главным образом, в области экономической и политической пропаганды, а военная и культурная пропаганда составляла неотъемлемое владение Франции... Америка, помогавшая первоначально только деньгами,—она взяла на себя 50% всех расходов на пропаганду, — позже также выступила с активным участием...

„Постепенно мы были так искусно опутаны неприятельской пропагандой, устной и письменной, шедшей к нам из нейтральных госу-

[1]) Том I, стр. 292—294 (рус. пер.).

дарств, главным образом, через сухопутную границу Голландии и Швейцарии, а также из Австро-Венгрии и изнутри самой Германии, и, наконец, воздушным путем, что в скором времени многие перестали различать, что являлось неприятельской пропагандой и что было их собственным ощущением".

Постановку дела борьбы с пропагандою Антанты Людендорф рисует следующим образом [1].

„Хорошо поставленная пропаганда должна далеко обгонять развитие политических событий. Она должна расчищать дорогу для политики и подготовлять общественное мнение незаметно для него самого. Прежде чем политические намерения превратятся в действия, надо убедить мир в их необходимости и моральной оправданности... Наши политически цели и решения казались часто грубыми и нелогичными, так как они преподносились миру с поражающею неожиданностью. Широкая и дальновидная пропаганда шутя могла бы изменить это впечатление...

„Кроме нежелания вести пропаганду в мирное время, у нас не было для нее и предпосылок. У нас не было мировой телеграфной агентуры с собственною сетью кабелей и радиостанций... Нам недоставало руководящей газеты с сильной национальной основой, которая имела бы на заграничные страны такое же влияние и такое же значение для родины, как „Times" в Англии, „Temps" во Франции и „Новое Время" в России...

„Из разговоров с руководящими людьми я понял, как мало признавалась даже теперь, во время войны, необходимость пропаганды с помощью больших, популярных в массах и жизнеспособных идей. Правительство стояло по отношению к ней в нерешительном раздумье. Оно все еще не понимало сущности пропаганды. Оно отказывалось от нее потому, что считало ее слишком базарно-крикливой, между тем как правильная постановка пропаганды состоит в том, что ее существование не замечается; она работает бесшумно. Чувствуя свою собственную неспособность, правительство считало более или менее безнадежным всякое широкое и сильное противодействие с нашей стороны неприятельской пропаганде...

„При вступлении в верховное командование я нашел лишь очень скудные зачатки пропаганды, которые не заслуживали названия организации...

„Летом 1916 года верховное командование предъявило правительству требование создать твердую организацию пропаганды. После преодоления многих препятствий, особенно со стороны министерства иностранных дел, в июле при последнем был организован военный отдел.

„Наряду с этим отделом, задуманным с чисто военными целями, министерство иностранных дел обещало создать для экономической и политической пропаганды подобные же учреждения... Все три отдела должны были, по директиве министерства иностранных дел, вести широкую активную пропаганду, переходящую в наступление против пропаганды Антанты и не ограничивающуюся, как прежде, слабым отпарированием неприятельской лжи. К сожалению, политическая и экономическая пропаганда министерства иностранных дел

---

[1] „Воспоминания", т. I, стр. 303—306 (рус. пер.).

ограничилась работой в прессе и изданием брошюр; большей частью эта работа выливалась лишь в воздействие на газеты путем опровержений и объяснений политических событий и использования неприятельских промахов. Это было каплей в море и не имело никакого значения.

„В военном отделе министерства иностранных дел полковник фон-Гефтен постепенно создал большую само-по-себе организацию. Она была подчинена верховному командованию, но финансировалась, главным образом, министерством иностранных дел, которое получило за это право совместного обсуждения и установления основных директив; этим своим правом министерство иностранных дел, надо сказать, совершенно не воспользовалось...

„С помощью слов и иллюстраций, а главным образом путем фильм, полковник фон-Гефтен старался укрепиться в нейтральных странах...

„Картина и фильма, а также графическое изображение в форме плаката, действуют настойчивее и резче, чем письменное слово, и потому сильнее влияют на массы.

„Наряду с этим шла печатная пропаганда при помощи телеграмм, радио и корреспонденций, пропаганда брошюрами и докладами, а также работа через бюро нейтральных военных корреспондентов. В первую очередь полковник фон-Гефтен пытался путем быстрой передачи информации пробраться во враждебную нам печать нейтральных стран.

„Художественная пропаганда также поощрялась... Министерство иностранных дел придавало ей особенное значение и пользовалось ею еще и раньше.

„При посольствах нейтральных и союзных стран, а также в оккупированных областях на Востоке, полковник фон-Гефтен создал свои органы—военные заграничные бюро, которые обрабатывали и распространяли материал, полученный из центра, в духе, соответствующем особенностям данной страны. Они работали в полном согласии с послом...

„Германская пропаганда с трудом удерживала свои позиции, несмотря на все старания, и ее достижения были недостаточны в сравнении с величиной задачи. Нам не удалось повлиять на неприятельские народы...

„В нейтральных и союзных странах мы также не достигли ничего существенного..

Совсем другая картина получилась бы, если полковника фон-Гефтена поддерживала сильная воля имперского канцлера и всемогущество его высокого поста. Я часто предлагал ему создать что-нибудь цельное. Организация имперского учреждения германской пропаганды становилась неоспоримой необходимостью. Я придавал этому тем большее значение, что пропаганда посредством выступлений государственных деятелей становилась все действительнее. Лорд Нортклиф был прав, утверждая, что речь английского государственного деятеля приносит Англии 20 000 фунтов; 50.000 фунтов, если немцы ее перепечатают, и 100.000 фунтов, если они на нее ответят. Барабанный огонь выступлений неприятельских государственных деятелей не вызвал с нашей стороны никакого серьезного отпора, и еще меньше мы думали о том, чтобы его заглушить. Военный отдел министерства иностранных дел не мог организовать такой борьбы, это могло сделать только имперское учреждение, обладающее особым авторитетом...

„При таких условиях нельзя было достигнуть совместного выступления Австро-Венгрии и Германии в деле объединенной пропаганды...

„Армия не нашла себе союзника в лице сильной, идущей из глубин страны, пропаганды. Одерживая победы на полях сражений, Германия оказалась бессильной в борьбе с психикой неприятельских народов"...

Что же делалось в России по отношению к пропаганде и борьбе с нею?

Из известной уже нам беседы представителя ставки с представителем Огенквара (стр. 23—24) можно усмотреть:

1) что кое-какая работа по пропаганде велась и что она разделялась между Огенкваром и министерством иностранных дел;

2) что единого руководящего органа по этому делу не имелось, — следовательно, работа, естественно, должна была носить не систематически-плановой, но эпизодический характер;

3) что работа обоих центральных тыловых органов велась довольно таки пассивно („в противовес распускаемой нашими врагами лжи") и что она касалась лишь военно политических и экономических вопросов, а предназначалась для нейтральных, но не для враждебных стран, и

4) что такого рода работу Огенквар считал как бы своею монополиею, предоставляя, повидимому, ставке ведение пропаганды на фронте.

Но и ставка, — так же, как и Огенквар, — предпочитала вести работу в этой области для нейтральных государства. Так, в апреле 1915 года, по приказу ставки, штаб VI-й армии напечатал на средства военного фонда брошюру „Кайзер без маски" и перевел ее затем на шведский и французский языки. Через месяц была издана на шведском языке, с тиражем в 30.000 экземпляров, брошюра Емельянова— ответ на „Слово предостережения" Свена Гедина. К осени того же года известным военным издателем Березовским, при содействии отпущенных Военным Советом средств, было отпечатано на немецком языке 11.000 экз. брошюры „Воюющая Германия", причем часть тиража была направлена в нейтральные государства, а другую часть ставка предполагала разбросать в Германии.

Поступали в ставку предложения (к удивлению—со стороны) и относительно пропаганды на фронте. Так, в сентябре 1915 года министр иностранных дел, Сазонов, просил Алексеева принять американского корреспондента „Таймс'а", Стенли Уошбурна, и выслушать его проект

о доставлении ежедневно на передовые позиции последних военных новостей, рисующих боевую работу союзников, и о разбрасывании с аэропланов и другими способами „открыток с картин Верещагина и др. из эпохи 1812 года, чтобы напугать немецких солдат предстоящею им зимнею кампаниею“ [1]). Но, повидимому, проекты Уошбурна показались Алексееву слишком наивными, так как они никаких последствий не имели.

Нет надобности отдельно перечислять те разрозненные и скромные попытки в отношении ведения пропаганды, которые предпринимались со стороны русского военного ведомства. Уже из сказанного до сих пор есть основание заключить, что это могучее средство современной войны не было в достаточной мере оценено в России и вылилось в мелкое кустарничество, — как, впрочем, и на Западе оно не было планомерно использовано ни в качественном, ни в количественном отношении до тех пор, пока не перешло в 1918 году в руки лорда Нортклифа. Но все же Антанта работала в этом отношении значительно лучше, чем Россия, как об этом свидетельствуют не только признания Людендорфа и Николаи, но и тот факт, что даже сотрудники ставки, перед которыми специально командированные представители Франции и Англии демонстрировали военную мощь своих государств, — то отличными кино-фильмами, то обстоятельными докладами (проф. Жюль Легра, ген. Ланглуа и др.), — уходили с этих сеансов под тяжелым впечатлением своей крайней отсталости...

Значение подготовки печати к войне.

Закончим главу о печати в мировой войне ознакомлением с тем, какие последствия для Германии имела непредусмотрительность ее правительства и генерального штаба, не оценивших заблаговременно современного значения печати для ведения войны и не подготовивших еще в мирное время тех мероприятий, которые впоследствии дали бы им возможность использовать для военных целей мощное сотрудничество печати.

Уже в период мобилизации явилась необходимость наскоро составить перечень тех вопросов, которых печать, в целях охранения военной тайны, не должна была ка-

---

1) Лемке стр. 51.

саться. Вскоре органы печати стали ощущать недостаток в рабочей силе, а вслед затем наступил кризис в снабжении бумагой. При этом материальные следствия войны стали особенно чувствительно отражаться как раз на тех органах печати, которые больше других изъявляли готовность работать в духе указаний верховного командования. В таком именно положении оказалась большая часть провинциальных газет. В результате — из 3.000 германских газет около 600, т.-е. 20%, должны были вовсе прекратить свое существование. Были газеты, которые в мирное время работали с четырьмя редакторами отделов, а в военное должны были довольствоваться одним редактором или даже только издателем. За исключением крупных капиталистических органов, тиражи и объем почти всех периодических изданий, вследствие недостатка в бумаге, должны были сократиться.

Создавшееся положение отлично характеризуется нижеследующими словами В. Николаи [1]).

„Война произвела чувствительные опустошения в рядах идейных сотрудников печати и вспомогательного технического персонала. Ходатайства об их освобождении от военной службы встречали тем большие препятствия, что подлежащие учреждения не сознавали, как следует, значения печати. Верховное командование охотно удовлетворяло поступавшие к нему просьбы, но оно все-таки должно было проявлять в этом отношении известную сдержанность, так как являлось как раз тем учреждением, которое было заинтересовано в удержании всякой силы на фронте и, следовательно, не могло в то же время поднимать разговор об освобождениях. Касающиеся печати персональные вопросы должны были найти со стороны властей основательное разрешение еще при разработке мобилизационных соображений. Крупные издательства были в состоянии в первую очередь пополнить свои ряды. Этим их перевес еще более усилился.

„Наряду с персональными вопросами, возникли затруднения со снабжением бумагой. Распределение ее производилось постепенно из тех запасов, которые были образованы еще в мирное время. И в этом отношении заблаговременная мобилизационная подготовка дала бы возможность лучше учесть потребности военного времени. Решительное правительство получило бы при этом в руки средство — перемещать центр тяжести работы прессы по своему усмотрению [2])

---

[1]) Стр. 179.

[2]) По тому же вопросу Лемке делает следующее замечание. „Любопытно, что сдержанный тон больших газет, особенно же „Русского Слова“ с его 600.000 подписчиками, зависит от боязни, что власть ударит по ним бумажным голодом — негласно прикажет задерживать доставку бумаги из Финляндии... „Русское слово“ очень осмотрительно ведет свою линию“. („250 дней в царской ставке“, стр 544).

Но так как продолжали действовать по заведенному в мирное время порядку, то крупные издательства имели в своем распоряжении избыток бумаги, за счет которого, наряду с газетами, получала поддержку литература, по большей части ненужная, а часто и вредная для ведения войны. Напротив,—более слабые издательства иногда не знали, хватит ли у них бумаги для выпуска следующего номера газеты. Понятно, что при таких условиях должны были страдать и способность к творчеству, и нервы как ответственных редакторов, так и материально заинтересованных в существовании газет—издателей".

Отсутствие заблаговременной подготовки печати к войне сказалось также и в том, что во время войны не были соответственным образом использованы союзы, образовавшиеся в среде работников прессы еще в мирное время,— как, напр., союзы издателей, журналистов и др. Хотя они и преследовали почти исключительно хозяйственные цели, тем не менее, как полагает В. Николаи, они могли быть использованы при организации службы печати, если бы еще в мирное время с ними более установлено соответствующее соглашение.

Если припомнить приведенные уже ранее факты, — как во время войны германскому командованию пришлось создавать институт „офицеров-корреспондентов", проводить военных корреспондентов через специальные курсы военной подготовки, создавать команды кино-съемщиков и т. п.,— то станет ясно, насколько является необходимой заблаговременная, тщательно продуманная разработка вопросов, касающихся мобилизации и военного использования печати в период войны.

III. Военная работа печати.

Элементы деятельности печати.

Кратко очерченная в предыдущем изложении роль печати в мировой войне дает, тем не менее, возможность наметить в общих чертах основания, на которых должно базироваться использование печати в военное время, а также схематически наметить, по выявившимся за время мировой войны данным, структуру и функции того аппарата, который, с наступлением военных обстоятельств, должен руководить печатью, направляя все ее усилия к единой и общей для всех цели — победе.

Рассмотрим для этого по порядку те элементы, из которых слагается и которыми обусловливается успешная работа печати, — а именно:

1) в чем заключаются приемы воздействия печати на массы, как они выявились из рассмотренных уже нами примеров ее деятельности во время мировой войны;

2) какими именно способами воздействия пользуется печать;

3) какими силами, средствами и рессурсами она для указанной цели располагает и

4) каковы условия, обеспечивающие успех ее работы.

Приемы воздействия печати на массы.

Для воздействия на массы печать применяет три основных приема: информацию, агитацию и пропаганду.

Информация (осведомление) в чистом виде является наиболее простым и, по существу, пассивным приемом

воздействия. Хотя всякая информация, в зависимости от своего содержания и удельного веса, и заключает в себе большее или меньшее количество „возбудительной“ энергии, но последняя все же находится в „потенциальном“ состоянии. Чтобы ее выявить и превратить в „кинетическую“, в большинстве случаев бывает необходимо придать информации, путем анализа и комментариев, соответствующую окраску или освещение. Тогда она приобретает уже „возбуждающий“ характер и может быть использована для агитации.

Для достижения желательного эффекта, информация должна быть полной, точной и правдивой, не возбуждающей ни малейших сомнений в ее достоверности. Но отсюда еще не следует, что для достижения военных целей достаточно одного „фотографического“ отражения в печати всего, что происходит в мире, — без критического отношения к сущности сообщаемого известия и без рассуждения о том, какого рода эффект может оно вызвать. Напротив, — необходимо, чтобы подбор информационного материала был по возможности согласован с целями, которых в том или ином случае желательно достигнуть.

Но, с другой стороны, понятно, что замалчивание почему-либо невыгодных или неблагоприятных известий естественно подрывает доверие не только вообще к информации, исходящей от тех или иных органов, руководящих печатью, но и к самой политике, проводимой печатью. Отсюда вытекает, что при информировании масс известиями, прямо не отвечающими поставленным печати задачам, является необходимым снабжать их таким освещением, которое не только обезвредило бы их, но даже могло бы обратить их в полезные — для подготовки общественного мнения к восприятию таких мер, которые иначе могли бы представиться необоснованными. При этом возможно, что освещение не нужно будет давать сразу и в исчерпывающей полноте; напротив, — учитывая необходимость внедрить известную идею как можно глубже в сознание масс, полезно систематическое возвращение к той же теме. Латинская пословица гласит: „Капля пробивает камень не силою удара, но частым падением“...

Большое значение, в смысле воздействия на психику, имеет своевременность использования информацион-

ного материала. Эта „своевременность“ вовсе не должна обязательно быть синонимом свежести сообщаемого известия в хронологическом смысле. Информационные материалы могут быть вполне „свежими“ по времени, но не производить того впечатления, которое могут вызвать материалы более давнего происхождения, но использованные кстати. Следовательно, вопрос своевременности использования информационных материалов в военном отношении требует, с одной стороны, накопления полезных материалов (в архиве или „портфеле“), а с другой — каких-то сигналов свыше для того, чтобы в нужный момент вся печать вполне согласованно выступала, в целях выполнения определенных задач.

„Печать должна уметь оперировать истиною“ (лорд Нортклиф).

Агитация [1]) имеет целью, базируясь на информации и комментариях, вывести массу из состояния инертности, создать в ней необходимое настроение по отношению к какому-нибудь вопросу, предмету или явлению. Она носит уже определенно активный характер, но проводит свою работу в более или менее узких рамках, сосредоточивая внимание массы на отдельных пунктах, имеющих в данный момент то или иное значение для достижения общей поставленной печати цели.

Для своего успеха, агитация должна расшевелить, раскачать массу, почему нуждается не только в убедительности (логичности) приводимых ею доводов, но и в настойчивом их подтверждении, пользуясь для этого каждым представляющимся случаем, чтобы вернуться к агитируемому вопросу, и стремясь таким образом повторно привлекать к нему внимание массы, чтобы пробить брешь в ее непонимании или инертности.

Пропаганда [2]) есть та же агитация, но углубленная до понимания и восприятия ее широкими массами и проводимая одновременно и непрерывно на обширном фронте, — с атакою не одного, но целого ряда пунктов и с объединением всех разнородных и разнообразных действий одною общею и конечною

---

[1]) Французское слово agiter в прямом смысле означает: волновать, двигать, колебать, тревожить; agitation — движение, волнение, возбуждение.

[2]) Франц. propager — размножать, распложать, разводить; propagande — распространение учения, мнения.

целью (напр., революционная пропаганда). Поскольку во время войны информация и агитация могут проводиться отдельно в каждой из затрагиваемых печатью областей— военной, политической, экономической и культурной—и притом в каждой по ее специальности, постольку „пропаганда в целях победы" обязана сразу охватить все эти области и суметь направить все усилия каждой из них на достижение общей поставленной ей политикою цели.

Поскольку информацию и агитацию можно отнести к области „тактики печати", постольку пропаганда составляет область „стратегии печати".

Подполковник В. Николаи, в цитированном уже труде, приписывает поражение Германии тому, что правительство не сумело объединить население путем печати. „В Германии", говорит он, „очень многие занимались тактикою печати, но стратегиею печати не занимался никто" [1]).

Людендорф так оценивает значение пропаганды: [2])

„Армия не нашла себе союзника в лице сильной, идущей из глубин страны пропаганды. Одерживая победы на полях сражений, Германия оказалась бессильной в борьбе с психикою неприятельских народов"...

„Перед лицом неприятельской пропаганды мы чувствовали себя, как кролик перед удавом"...

Если принять во внимание многочисленность и разнообразие тех объектов, на которые должна воздействовать в военное время пропаганда, а также грандиозный размах последней и необходимость объединенного использования для нее всех военных, политических, экономических и культурных средств, то станет ясно, насколько трудна эта задача, каких подготовленных исполнителей („стратегов" и „тактиков") она требует и насколько сложен тот аппарат, при помощи которого пропаганда должна вестись.

Именно таким характером этой работы, которая является сущностью работы печати в военное время, и объясняется, почему во время мировой войны в некоторых из воевавших государств создались, или должны были быть созданы, целые „министерства" пропаганды...

---

[1]) В. Николаи. стр. 75.

[2]) „Воспоминания", т. I. стр. 289 и 306 (русск. пер. под ред. А. Свечина).

Способы воздействия печати на массы.

Все многочисленные и разнообразные способы воздействия печати на массы могут быть, в сущности, сведены к двум основным формам, каковыми являются слово и изображение.

Устное слово,—в виде доклада, лекции, речи, беседы, рассказа, декламации или песни,—всегда производит более интенсивное впечатление, чем письменное или воспроизведенное печатью, особенно — если оно воспринимается непосредственно от говорящего, хотя бы по телефону или радио, или даже через граммофонную пластинку. Это обстоятельство необходимо учитывать во всех случаях использования слова (речи),—будь то информация, агитация или пропаганда. Исключительно же важное значение приобретает живое слово при ведении агитации и пропаганды. „Лорд Нортклиф был прав, утверждая, что речь английского государственного деятеля приносит Англии 20.000 фунтов; 50.000 фунтов, если немцы ее перепечатают, и 100.000 фунтов, если на нее ответят“ (Людендорф).

Однако, пока восприятие живого устного слова не сделается достижимым и доступным для каждого, до тех пор и печатное (воспроизведенное) слово не утратит своей ценности, как способа воздействия на массы. Кроме того, необходимо иметь в виду, что нужный в военных целях эффект достигается не одною только интенсивностью восприятия слова, но и его распространением. А в этом отношении печать дает возможность воспроизводить слово (текст) в любом количестве экземпляров, распределять последние на огромных пространствах и „сгущать“ их как раз там, где в этом особенно ощущается необходимость. Так это и бывало в мировую войну, когда— в некоторые периоды—на одном только Западном германском фронте лордом Нортклифом выпускалось до $5^1/_2$ миллионов агитационных листков в месяц.

Таким образом, можно полагать, что для „текущей“ работы печати во время войны еще долгое время сохранят ценность нынешние приемы воспроизведения и распространения слова, в виде газет, листков, журналов, брошюр и т. п.

Изображение,—в виде живой картины, спектакля или кинофильмы,—также является более сильным средством

воздействия на массы, чем рисунок на бумаге, картина на полотне или даже фотография. Но следует оговориться, что в некоторых случаях для достижения нужной цели имеет значение не длительность впечатления, а наоборот— его мгновенность и сила. В таких случаях во-время схваченная фотография, а также каррикатура, шарж и плакат производят весьма быстрый и очень сильный эффект. Значительное действие производит также комбинация изображения с текстом.

Что касается использования разных категорий изображений в большом количестве и на значительном пространстве, с размещением их для военных целей как раз там, где они необходимы, то в этом отношении все преимущества находятся на стороне изображений, воспроизводимых путем печатания (размножения).

Силы, средства и рессурсы в печати.

Печать в состоянии осуществлять свою деятельность только в том случае, если она располагает необходимыми для этого силами и средствами, имея сверх того возможность непрерывно питаться из хороших источников вполне доброкачественным литературным материалом, а также получать моральную поддержку со стороны тех масс, которые она обслуживает.

1) Силы печати, под которыми следует разуметь участвующий в ее работе личный состав, могут быть, в общем, подразделены на три категории:

а) авторский персонал, т. е. добывающий или доставляющий необходимые для печати материалы (писатели, сотрудники, корреспонденты);

б) редакционный персонал, т. е. обрабатывающий эти материалы (редакторы научные и технические, выпускающие и др.) и

в) технический персонал, т. е. технически воспроизводящий печатные произведения (наборщики, корректоры...).

2) Средства печати могут быть:

а) материальные,—в виде запасов бумаги, краски, рукописей („портфель редакции“);

б) технические, т. е. типографии, литографии, мастерские, машины, оборудования и т. п., и

в) финансовые, — в виде оборотного и запасного капиталов.

3) Рессурсы печати:

а) материальные, которые заключаются в источниках питания литературными материалами, — личных, каковыми являются литературные силы всех видов и категорий, и коллективных, в виде официальных ведомств, агентств и т. п.

б) моральные, выражающиеся в той связи, которая установлена с источниками питания и с массами, обслуживаемыми печатью, т. е. с ее читателями.

Насколько важно заблаговременно учитывать все приведенные выше данные, показывает пример Германии (стр. 65), где во время мировой войны, за отсутствием правильной организации печати, все силы, средства и рессурсы последней были сосредоточены в распоряжении как раз тех органов печати, которые были несогласны с правительственною политикою; полезные же для целей войны органы были не в состоянии оказывать правительству и верховному командованию нужную поддержку, так как были совершенно „обескровлены“ недостатком материальных средств и призывами в армию обслуживавшего их личного состава.

Условия успешной работы печати.

Успех всякой работы зависит прежде всего от того, насколько удачно составлен план выполнения ее в целом и в частях. Это в особенности справедливо по отношению к такой сложной работе коллективного характера, какой является в военное время деятельность печати, протекающая одновременно в четырех обширнейших областях (военной, политической, экономической и культурно-просветительной) и направляемая—то вместе, то порознь—против различных объектов, неодинаковой для нас ценности и значения.

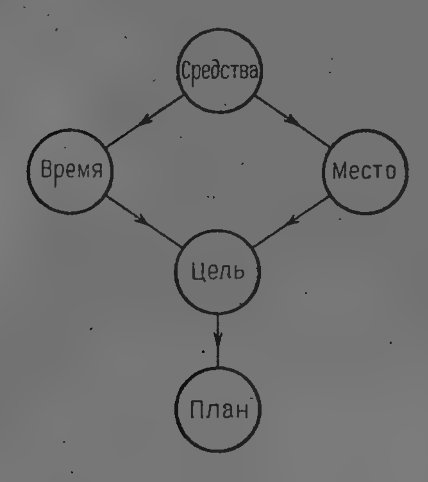
Каждый план имеет в виду:

1) выбор соответствующей цели,

2) оценку имеющихся в распоряжении средств и

3) использование этих средств, в соответствии с целью, местом и временем.

Графически это можно представить так:

Мы уже говорили выше, что цель работы печати зависит от тех объектов, на какие предполагается оказать воздействие. Время работы, как тоже упоминалось выше, должно охватывать не только самый период военных действий, но и предшествующие ему периоды, т. е. предмобилизационный и мобилизационный, а также и завершающий войну период заключения мира; при этом каждый из указанных периодов носит совершенно особенный и своеобразный характер. Наконец, местом работы печати могут быть фронт и тыл своей страны, а также страны союзные, нейтральные и враждебные, при чем и их значение в различные периоды бывает неодинаково.

Таким образом, все три только что рассмотренных данных—цель, время и место—не являются постоянными, но крайне зависят от обстановки. Они безусловно должны заранее учитываться, но заблаговременной подготовке в нашу пользу они поддаются далеко не в полной степени и то лишь при большом искусстве. Только четвертая данная—средства—носит, в целом, более или менее постоянный характер и является доступной обращению в свою пользу, путем тщательной заблаговременной подготовки составляющих ее элементов.

В результате оказывается, что успешная работа печати зависит прежде всего от количества и качества имеющихся

в ее распоряжении средств, а затем—от искусного их использования.

Следовательно, в целях обеспечения успеха работы печати в военное врёмя, все указанные выше силы, средства и рессурсы печати должны быть задолго до войны соображены с теми потребностями, которые возникнут с ее началом, а на военное время должны быть заранее предусмотрены все меры, которые в состоянии обеспечить их своевременное питание, пополнение и освежение.

Все это указывает на необходимость разработки мобилизационного плана печати, отсутствие которого, по уверению В. Николаи, лишало германское правительство и верховное командование такого могучего „инструмента“, каким является во время войны печать. „Заблаговременная мобилизационная подготовка“, говорит он, „дала бы возможность лучше учесть потребности военного времени. Решительное правительство получило бы при этом в руки средство—перемещать центр тяжести работы прессы по своему усмотрению“ [1]).

Что касается искусства использования средств печати, то оно сводится:

1) к планомерному проведению всех кампаний печати;

2) к целесообразному применению всех указанных выше приемов и способов воздействия на массы и

3) к согласованию по времени и по месту всех действий, направленных к достижению поставленной цели.

Все рассмотренные до сих пор элементы деятельности печати, являющиеся одновременно и теми данными, на которых должно быть основано руководство печатью, могут быть сведены в одно целое и представлены в виде схемы (см. сх. № 1). Эта схема не только выявляет всю сущность работы печати в военное время, но и дает возможность представить себе в общих чертах ту организацию, которая вообще необходима для дела руководства печатью.

---

1) В. Николаи, стр. 179.

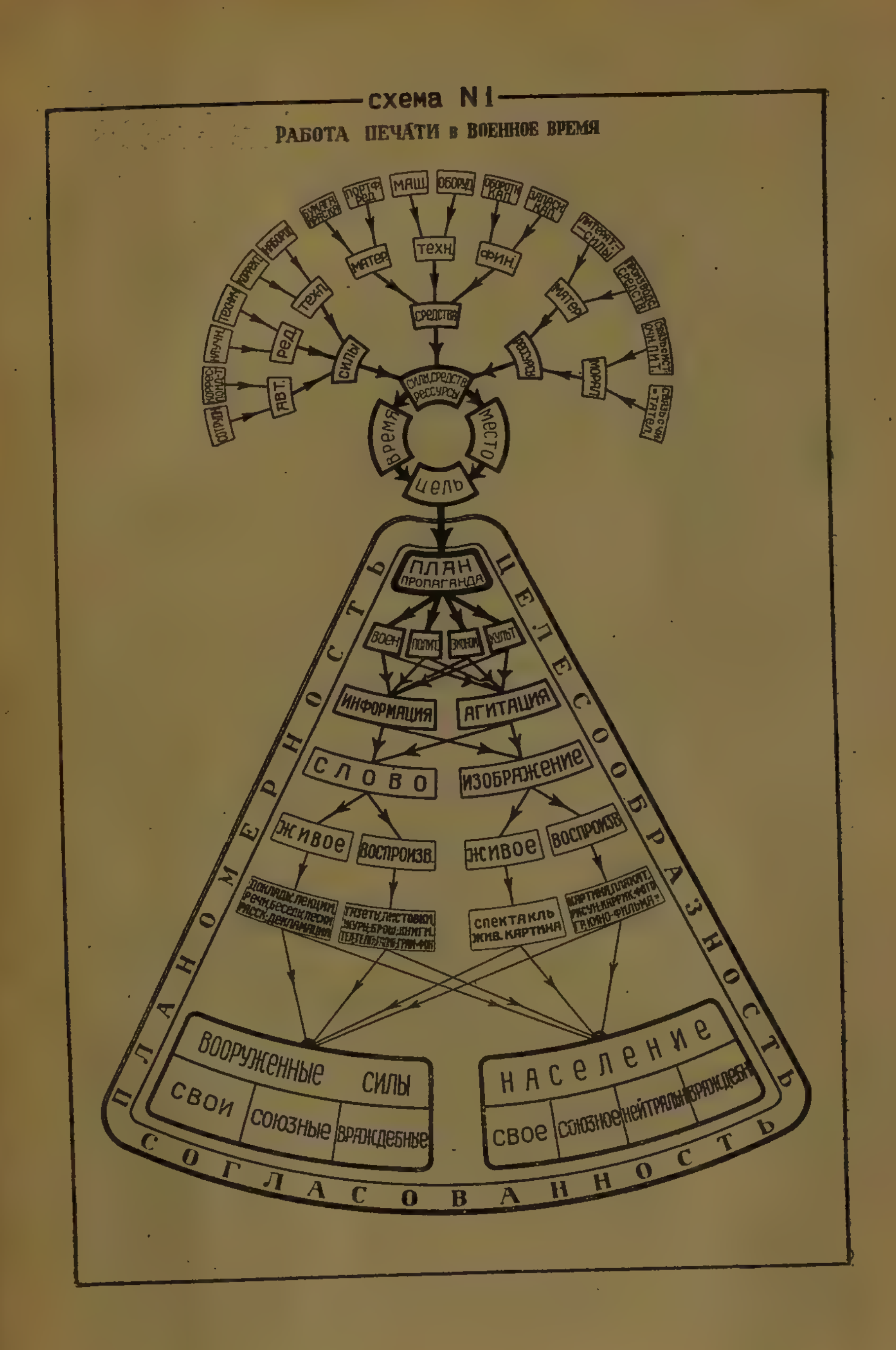

схема N 1
РАБОТА ПЕЧАТИ в ВОЕННОЕ ВРЕМЯ
МАШ
ОБОРУД
ТЕХН
МАТЕР
ФИН.
СРЕДСТВА
ТЕХН
РЕД
АВТ.
СИЛЫ
НАУЧН.
МАТЕР
РЕССУРСЫ
МОРАЛ
СИЛЫ, СРЕДСТВ РЕССУРСЫ
ВРЕМЯ
МЕСТО
ЦЕЛЬ
ПЛАН ПРОПАГАНДА
ВОЕН
ПОЛИТ
ЭКОНОМ
КУЛЬТ
ИНФОРМАЦИЯ
АГИТАЦИЯ
СЛОВО
ИЗОБРАЖЕНИЕ
ЖИВОЕ
ВОСПРОИЗВ.
ЖИВОЕ
ВОСПРОИЗВ
СПЕКТАКЛЬ ЖИВ. КАРТИНА
ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ
СВОИ
СОЮЗНЫЕ
ВРАЖДЕБНЫЕ
НАСЕЛЕНИЕ
СВОЕ
СОЮЗНОЕ
НЕЙТРАЛЬН
ВРАЖДЕБН
ПЛАНОМЕРНОСТЬ
ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ
СОГЛАСОВАННОСТЬ

IV. Руководство печатью во время войны.

Организация печати.

Из приведенных выше соображений относительно роли и значения печати во время войны можно вывести заключение, что печать, как „инструмент“ в руках правительства и верховного командования, будет производить тем больший полезный эффект:

1) чем полнее схвачены ею все нити, ведущие вглубь нужных для целей войны человеческих масс,

2) чем лучше эти нити будут увязаны в узлах военного, политического, экономического и культурно-просветительного руководства печатью и, наконец,

3) чем планомернее, целесообразнее и согласованнее будет направляться по этим нитям в массы все то, что, в конечном счете, должно привести к необходимым в интересах победы результатам.

Отсюда видно, что первою задачею организации печати должно явиться установление тех путей, по которым печать всеми указанными выше приемами и способами должна соответственным образом воздействовать на массы. Практически это выразится в проверке всей существующей сети периодических органов печати, с точки зрения соответствия ее не только потребностям мирного, но и военного времени, а затем — в исправлении этой сети и дополнении ее теми периодическими изданиями, которые окажутся необходимыми для связи с соответствующими массами. Сделать это дополнение, — хотя бы по отношению к важнейшим изданиям, — необходимо еще в мирное время, чтобы успеть заблаговременно создать для каждого такого органа нужную для успеха дела „моральную базу“, сгруппировав вокруг этого органа определенный круг читателей, сблизив самый орган с читательской массой и таким обра-

зом подготовив последнюю к восприятию тех идей, которые необходимо будет развивать во время войны.

После выяснения в подробностях всей необходимой сети периодических изданий (с учетом, как уже сказано, и потребностей военного времени), представится необходимым образование на этой сети нужных руководящих узлов, которые явятся в то же время и информационно-агитационными центрами. Такие узлы должны быть, повидимому, трех степеней:

1) ближайшие к органам печати отделения или бюро губернского (армейского на фронте) масштаба работы; на их обязанности лежало бы непосредственное снабжение соответственных органов печати всеми данными руководящего, информационного, агитационного и контрольного (цензурного) характера;

2) стоящие над ними Отделы печати, объединяющие у себя все директивы, исходящие от центральных (ведомственных) Управлений печати и работающие, так сказать, в окружном (фронтовом) масштабе, давая указания вниз, и

3) Управления печати при центральных органах ведомств: военного, иностранных дел, внутренних дел, народного хозяйства и народного просвещения, а также при верховном командовании. Каждое из этих Управлений должно работать, как в тылу, так и на фронте, по своей специальности, но в соответствии с теми директивами, которые должны исходить от единого руководящего центра, — Центрального Управления печати (Ц.У.П.).

По поводу последнего необходимо сказать, что общее руководство всею деятельностью печати в военное время сможет выполнить только такой центральный орган, который близко осведомлен с целями и направлением всей государственной политики, как внешней, так и внутренней. Следовательно, по своему положению он должен находиться как можно ближе к правительству и в то же время быть в постоянном и непосредственном контакте с ведомственными Управлениями печати. Только в таком случае он будет в состоянии:

1) объединить средства и возможности отдельных ведомств,

2) согласовать их и направить к единой и общей цели, в полном соответствии с государственною политикою, и

3) руководить деятельностью печати, как в целом, так и в отдельных фазисах ее работы.

Само собою понятно, что, поскольку печать является „инструментом“ в руках правительства и верховного командования, а аппарат руководства ею служит проводником определенных политических и военных директив, выполняя при этом то распорядительные, то исполнительные функции, деятельность всего аппарата по руководству печатью приобретает некоторый административно-бюрократический оттенок. Но в своей основе и по своей сущности руководство печатью может быть только идейным, а потому и аппарат управления печатью следует определить как систему идейных центров, связанных между собою общностью цели и направляющих работу печати по ведомственным линиям к выполнению тех или иных, нужных в данный момент, политических и военных задач.

Таким образом, каждое Управление, Отдел, Отделение или Бюро печати есть прежде всего идейный центр, вокруг которого должны быть сгруппированы органы периодической печати и другие средства воздействия на психику масс. Мало того, — этот центр обязан не только руководить существовавшими до него и без него органами печати, но и сам создавать такие органы, чтобы восполнять замеченные в процессе работы недостатки или пробелы. При этом „район влияния“ каждого такого органа будет тем обширнее, чем крупнее и влиятельнее самый центр и чем ближе последний находится к тому источнику, откуда исходят основные директивные указания. Только в таком, а не в бюрократическом смысле следует понимать все сказанное выше относительно „масштаба“ работы Управлений печати разных степеней.

Приведенные соображения имеют очень большое значение для правильного разрешения вопроса не только о функциях аппарата руководства печатью, но и о подборе необходимых для него работников. Комплектование органов руководства печатью должно производиться только такими элементами, которые вполне компетентны как в специальной ведомственной работе, по линии которой они будут проводить свою деятельность, так и в работе самой печати. Они должны хорошо знать все средства и возможности последней, чтобы наилучшим образом использовать их по своей ведомственной линии для достижения необходимых целей.

Отсюда ясно, что подходить к разрешению вопроса о создании кадра работников в управлениях печати нельзя ни канцелярским, ни бюрократическим путем, а нужно заблаговременно и серьезно готовить такой кадр для нужд военного времени.

Общая схема аппарата руководства печатью по данным мировой войны. (См. схему № 2).

Устройство того аппарата, который смог бы во время войны охватить в большей или меньшей степени все многосложные и многообразные функции по направлению работы печати к выполнению военных задач, будет естественно иметь в каждом отдельном государстве свою особую форму, применительно к общей структуре всего аппарата государственного управления. Но общая схема этого устройства, — поскольку она выявляется из опыта мировой войны, — все же представляет интерес, как иллюстрация, воочию убеждающая, насколько сложно дело управления печатью во время войны и как разносторонни должны быть подготовительные к нему мероприятия в мирное время.

В самом деле, — стоит только взглянуть на прилагаемую схему № 2, которая является графическою сводкою всего до сих пор изложенного, чтобы притти к заключению о невозможности быстрой „импровизации“ подобного аппарата с наступлением войны и что структура последнего, вполне соответствующая всем условиям данного государства, обязательно должна быть разработана заблаговременно.

Мы не будем останавливаться на подробностях той „типовой“ структуры, которая достаточно ясно представлена на схеме № 2, но сделаем лишь несколько общих замечаний относительно устройства и характера работы некоторых частей аппарата по управлению печатью.

Прежде всего необходимо еще раз подчеркнуть, что работа печати в военное время только в том случае будет плодотворна, если она, во всей своей совокупности, составляет единое целое, т.-е. если она ведется во всех деталях вполне согласованно, — как во времени, так и на пространстве, — с конечною военною целью. А такою „всеобъемлещею“ работою, как показал опыт мировой войны, может быть только пропаганда. Следовательно, —

есть все основания полагать, что в будущей войне работа аппарата по управлению и руководству печатью будет носить исключительно пропагандистский характер и что никакого специального „министерства пропаганды“ ни одно государство заводить у себя не будет, а возложит все функции по пропаганде, — как внешней, так и внутренней, — целиком на аппарат управления печатью.

Отсюда вытекает, что и все функции этого аппарата, сверху и до низу, должны быть проникнуты одним руководящим началом: вести работу так, чтобы всемерно укреплять себя и своих союзников и ослаблять своих противников.

Какими практическими мероприятиями указанная цель может быть достигнута, это виднее каждому отдельному ведомственному аппарату управления печатью, по его специальности. Необходимо только, чтобы каждый из этих аппаратов своевременно получал от Центрального Управления печати: 1) общие директивы, к чему именно в данный момент нужно стремиться, и 2) подробную информацию о всех данных, которые могут влиять на уклон работы печати в ту или другую сторону. Упомянутые директивы Ц. У. П. (Центральное Управление Печати) может давать или с одобрения правительства, или даже по прямому его указанию, при чем направляться из Ц.У.П. по специальным ведомственным линиям (военной, внутренних дел, иностранных дел, экономической и культурно-просветительной) они должны вполне компетентными в соответствующих вопросах лицами, дабы ведомственные управления печати с одного слова могли понимать, как именно они должны поступить в том или ином случае.

Это указывает, что для успешной работы Ц.У.П., помимо деления его на Отделы (внутренней и внешней печати), с помеченными на схеме подразделениями этих Отделов на части (военную, политическую, экономическую и культурно-просветительную), личный состав Ц.У.П. должен быть высоко-квалифицированным по каждой из названных специальностей.

Другою особенностью работы как центрального, так и ведомственных управлений печати, — по сравнению с тем, что было во время мировой войны, — явится, вероятно, значительное расширение той функции правительственной

власти, которая определяется понятием „цензура“ (контроль). Все имеющиеся в распоряжении данные опыта 1914—18 г. г. говорят за то, что, в случае присвоения управлениям печати характера органов пропаганды, явится необходимой, наряду с „цензурой“ сообщаемых газетами известий, также проверка правильности функционирования всего вообще аппарата печати, включая сюда и самые органы печати. Следовательно, в будущих управлениях печати потребуется создание, вместо органов одной только цензуры, более полномочных организаций, с более расширенными заданиями, чем прежние отделения и бюро цензуры. Они названы на схеме „контрольными“ Отделами и Частями.

Следующим замечанием, заслуживающим особого внимания, является то, что структура управлений печати при верховном командовании и при ведомстве иностранных дел должна быть, повидимому, аналогичной, так как и то и другое управления имеют возможность непосредственного воздействия через печать на противника. Разница только в том, что одно будет действовать с фронта, а другое — с тыла (из примыкающих к неприятелю нейтральных стран). Поэтому и работа их, казалось бы, должна быть совершенно тождественной и вполне согласованной (через Ц.У.П.).

Далее, — нужно отметить, что наличие управления печати при верховном командовании отнюдь не устраняет необходимости в тыловом военном управлении печати (при центральном управлении военным ведомством), так как это управление должно воздействовать через печать на всю массу находящегося в тылу военнообязанного населения, как подлежащего призыву в войска для продолжения войны, так и находящегося уже на службе (в войсках, учреждениях, военно-промышленных производствах и т. п.).

Необходимость укомплектования Ц.У.П., а также управлений печати при верховном командовании и при ведомстве иностранных дел вполне компетентными в специальных вопросах сотрудниками представится также и другим ведомственным управлениям печати, которым, с объявлением мобилизации, придется выделять от себя некоторое число сотрудников в соответствующие части названных выше управлений печати.

Таковы общие замечания, касающиеся центрального и ведомственных управлений печати, а также управления печати верховного командования.

Что касается подведомственных последним окружных, фронтовых и заграничных Отделов печати, то особенностью их организации должно явиться объединение и сосредоточение у себя всех получаемых свыше специальных ведомственных указаний и данных, для проведения их в жизнь в своих органах печати, а также и в других, через непосредственно соприкасающиеся с печатью отделения и бюро. Эта особенность организации также требует заблаговременной подготовки в отдельных ведомствах кадров и укомплектований для развертывания при мобилизации нужного числа окружных, фронтовых и заграничных Отделов.

С организацией отделений и бюро печати, где не потребуются работники особенно крупного масштаба, дело, конечно, будет обстоять значительно легче, почему мы на этом вопросе останавливаться не будем.

Нет необходимости в детализировании функций каждого из намеченных схемою № 2 органов управления печати. Это привело бы к выработке целых „Положений" об их организации и работе, что вовсе не вызывается задачами настоящего очерка, — тем более, что, как уже упомянуто выше, каждое государство, в связи со структурою своего аппарата управления, найдет и для управлений печати соответствующую организационную форму, а наша схема № 2 имеет значение лишь иллюстрации к тем выводам, которые можно сделать из опыта руководства печатью во время мировой войны.

Заканчивая на этом свою работу, мы хотим верить, что затронутые нами вопросы организации печати вызовут со стороны всех наших работников, — как военных, так и гражданских, — такое к себе отношение, какого справедливо заслуживает печать, являющаяся столь мощным фактором современной вооруженной борьбы. Тогда и использование печати во время войны получит более полное, глубокое и обстоятельное освещение, чем то, какое удалось сделать нам в этом кратком и, по необходимости, поверхностном очерке.

Литература.

Из числа иностранных трудов, пригодных для более детального изучения вопросов, связанных со способами использования печати в мировой войне, кроме упомянутых уже на стр. 15-й „Воспоминаний“ Людендорфа и книги В. Николаи, следует прежде всего указать на книгу Кэмпбель Стюарта „Тайны дома Кру“, содержание которой мы приводим в самых общих чертах в главе о „пропаганде путем печати“. Затем можно назвать:

1) Невил Литтон. „Пресса и генеральный штаб“ (на англ. яз.).

2) „Взаимоотношения печати и армии на войне“ — статья в „The Journal of the Royal Artillery“, за июнь 1921 г,

3) Rudolf Wieler. „Forschungen und Darstellungen aus dem Reichsarchiv. Heft 2. Deutsche Wirtschaftspropaganda im Weltkrieg“. Berlin, 1922. (Рудольф Вилер. „Исследования и описания из имперского архива. Тетрадь 2. Германская экономическая пропаганда в мировой войне“. Берлин, 1922 г.).

4) Bornecque (Henri) et Drouilly (J. Germain) „La France et la Guerre. Formation de l'oppinion publique pendant la guerre“. Paris. (Борнек и Друйи. „Франция и война. Формирование общественного мнения во время войны“. Париж).

5) G. Demartial. „La guerre 1914. Comment on mobilisa les consciences“ Paris, 1922. (Демарсиаль. „Война 1914 г. Как мобилизовалось сознание“. Париж, 1922 г.).

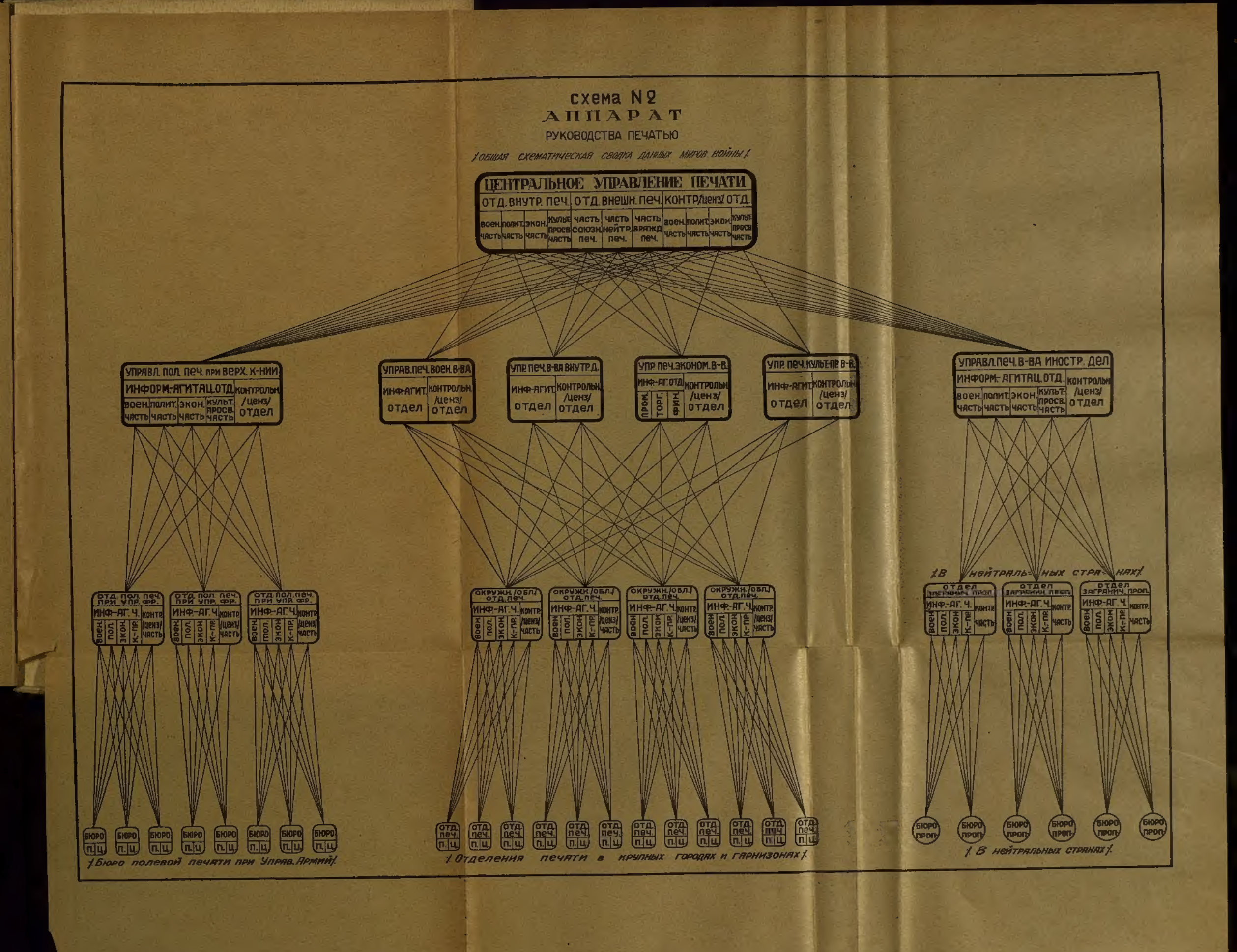
6) A. Billy. „La Guerre des journaux“ 1922. (А. Билли. „Газетная война“. 1922 г.),

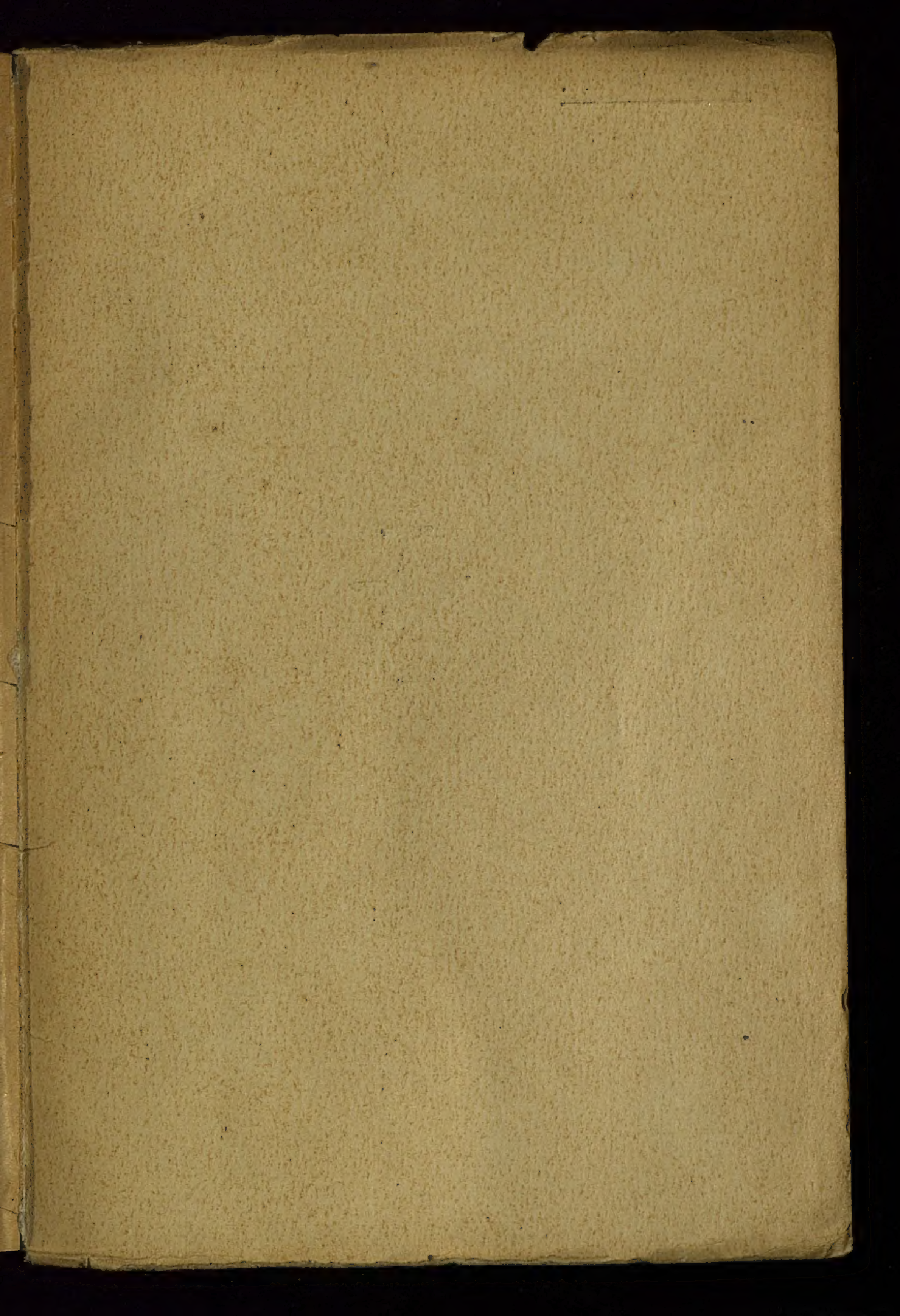
7) Paul Pilan „Le journal. Arme de guerre de l'Allemagne. La Gazette des Ardennes“. (Газета. Германское орудие войны. „Арденнская газета“).

8) Paul Boyer. „Conference sur la presse“. Albi, (1922). (Поль Буае. „Доклад о печати“. Альби, 1922 г.).

Приведенный выше перечень, конечно, далеко не исчерпывает все вышедшие за границею труды по вопросам организации и использования печати для военных целей, но уже и он свидетельствует, что вопросам военного использования печати за рубежом уделяется достаточно серьезное внимание.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

схема N 2
АППАРАТ
РУКОВОДСТВА ПЕЧАТЬЮ
/ОБЩАЯ СХЕМАТИЧЕСКАЯ СВОДКА ДАННЫХ МИРОВ ВОЙНЫ/
ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕЧАТИ
ОТД. ВНУТР. ПЕЧ.
ОТД. ВНЕШН. ПЕЧ.
КОНТР/ценз/ ОТД.
воен. часть
полит. часть
экон. часть
культ. просв. часть
часть союзн. печ.
часть нейтр. печ.
часть вражд. печ.
воен. часть
полит. часть
экон. часть
культ. просв. часть
УПРАВЛ. ПОЛ. ПЕЧ. при ВЕРХ. К-НИИ
ИНФОРМ.-АГИТАЦ. ОТД.
воен. часть
полит. часть
экон. часть
культ. просв. часть
контрольн. /ценз/ отдел
УПРАВ. ПЕЧ. ВОЕН. В-ВА
инф.-агит. отдел
контрольн. /ценз/ отдел
УПР. ПЕЧ. В-ВА ВНУТР. Д.
инф.-агит. отдел
контрольн. /ценз/ отдел
УПР. ПЕЧ. ЭКОНОМ. В-ВА
инф.-аг. отд.
пром.
торг.
фин.
контрольн. /ценз/ отдел
УПР. ПЕЧ. КУЛЬТ.-ПР. В-ВА
инф.-агит. отдел
контрольн. /ценз/ отдел
УПРАВЛ. ПЕЧ. В-ВА ИНОСТР. ДЕЛ
ИНФОРМ.-АГИТАЦ. ОТД.
воен. часть
полит. часть
экон. часть
культ. просв. часть
контрольн. /ценз/ отдел
ОТД. ПОЛ. ПЕЧ. ПРИ УПР. ФР.
ИНФ.-АГ. Ч.
воен.
пол.
экон.
к.-пр.
контр. /ценз/ часть
ОКРУЖН. /ОБЛ./ ОТД. ПЕЧ.
ИНФ.-АГ. Ч.
воен.
пол.
экон.
к.-пр.
контр. /ценз/ часть
/В нейтраль-ных стра-нах/
отдел ЗАГРАНИЧ. ПРОП.
ИНФ.-АГ. Ч.
воен.
пол.
экон.
к.-пр.
контр. часть
БЮРО П.Ц.
/Бюро полевой печати при Управ. Армий/
ОТД. ПЕЧ. П.Ц.
/Отделения печати в крупных городах и гарнизонах/
БЮРО ПРОП.
/В нейтральных странах/

Цена 75 коп.

